

Десмонд Бэгли

Бег вслепую

Десмонд Бэгли

Бег вслепую

1970

Бэгли Д.

Бег вслепую / Д. Бэгли — 1970

Опытному британскому разведчику поручают мелкую курьерскую миссию в Исландии. Но простое на первый взгляд дело оборачивается жестокой охотой на него, организованной советскими агентами.

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	10
3	15
4	18
5	20
Глава вторая	23
1	23
2	25
3	31
4	33
5	35
Глава третья	41
1	41
2	46
3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Десмонд Бэгли

Бег вслепую

Глава первая

1

Обременить себя трупом значит оказаться в сложном положении, особенно если к трупу не прилагается свидетельство о смерти. Хотя любой доктор, даже только что окончивший медицинскую школу, без труда установил бы причину смерти. Человек умер от остановки сердца или от того, что медики высокопарно называют сердечной недостаточностью.

Непосредственной причиной остановки его насоса послужило то, что кто-то сунул ему между ребер острую полоску стали достаточно глубоко для того, чтобы пронзить большую сердечную мышцу, вызвав тем самым серьезную и невосполнимую утечку крови, в результате чего мышца перестала сокращаться. Сердечная недостаточность, как я уже сказал.

Я не особенно беспокоился о том, чтобы найти доктора, поскольку нож принадлежал мне и моя рука сжимала рукоять в тот момент, когда острое изгнало из него жизнь.

Я стоял на открытом месте возле дороги с телом, лежащим возле моих ног, и я был испуган, так испуган, что чувствовал слабость в животе и задыхался от приступа тошноты, подступившей к самому горлу. Я не знаю, что хуже – убить того, кого ты знаешь, или убить незнакомца. Данное тело принадлежало незнакомцу – на самом деле таким он для меня и остался – я никогда не видел его раньше.

И вот как все это произошло.

Двумя часами раньше воздушный лайнер скользнул сквозь облака, и моему взору открылся хорошо знакомый унылый ландшафт Южной Исландии. Самолет снизился над полуостровом Рейкьянес и точно в назначенное время совершил посадку в Кьеблавикском международном аэропорту, где мелкий моросящий дождь высачивался из серого стального неба в виде мельчайших частиц влаги.

Я был невооружен, если не принимать во внимание "сген дабх". Офицеры таможни не любят пушек, поэтому я не захватил с собою пистолет, и к тому же Слейд сказал, что он мне не понадобится. "Сген дабх" – черный нож горцев – весьма неприметное оружие, если в наши дни его вообще сочтут за оружие. Этот нож можно увидеть на голени у истинного шотландца, когда тот облачен в парадный национальный костюм, где он служит просто обычным украшением, дополняющим мужской наряд.

Мой нож был более функционален. Он достался мне от деда, который в свою очередь получил его от своего деда, и значит, нож изготовили по меньшей мере сто пятьдесят лет назад. Как всякий хороший инструмент для убийства он был лишен ненужных украшений – даже внешняя отделка имела свое функциональное предназначение. Рукоятку из эбенового дерева с одной стороны покрывал классический кельтский орнамент в виде переплетенных прутьев, который обеспечивал хороший контакт с ладонью, но с другой стороны она оставалась гладкой, благодаря чему нож беспрепятственно выскользывал из руки при броске; лезвие имело в длину не более четырех дюймов, но его вполне хватало для того, чтобы достать до жизненно важных органов; далее кусок дымчатого кварца, сверкающий матовым блеском на кончике рукоятки, находился там неспроста – он балансировал нож, превращая его тем самым в превосходное метательное оружие.

Он хранился в плоских ножнах на моей левой голени. А где еще вы ожидали найти "сген дабх"? Простой способ зачастую оказывается наилучшим, поскольку большинство людей не замечают очевидного. Таможенник далее не заглянул в мой багаж и тем более не стал подвергать детальному осмотру мою персону. Я так часто приезжал в эту страну, что меня здесь хорошо знали, и кроме того мне помогало знание языка – в мире всего 200 000 человек, говорящих по-исландски, и поэтому исландцы всегда бывают приятно удивлены, когда сталкиваются с иностранцем, не пожалевшим времени на то, чтобы выучить их язык.

– Снова на рыбалку, мистер Стюарт? – спросил таможенник.

Я кивнул.

– Да, надеюсь добыть нескольких ваших лососей. Мои снасти стерильны – вот сертификат.

Исландцы пытаются защитить лососей от болезней, которым подвержены рыбы в британских реках.

Он взял сертификат и пропустил меня через барьер.

– Желаю удачи, – сказал он мне на прощанье.

Я улыбнулся ему и прошел в вестибюль, откуда, следуя инструкциям, полученным от Слейда, свернул в кафетерий.

Я взял чашечку кофе, и тут же кто-то уселся рядом со мной и положил на столик номер "Нью-Йорк Таймс".

– Ну и ну! – сказал он. – Здесь значительно прохладнее, чем в Штатах.

– Даже холоднее, чем в Бирмингеме, – произнес я торжественно, после чего обмен дурацкими пароллями закончился и мы перешли к делу.

– Это завернуто в газету, – сказал он.

Он был низеньким лысеющим человеком с бегавшим взглядом озабоченного исполнителя. Я постучал по газете.

– Что здесь? – спросил я.

– Не имею понятия. Вы знаете, куда это нужно доставить?

– В Акурейри, – ответил я. – Но почему я? Почему это не можете сделать вы?

– Только не я, – произнес он твердо. – Я улетаю в Штаты ближайшим рейсом.

Казалось, он испытывал большое облегчение от сознания этого простого факта.

– Давайте не будем торопиться, – предложил я и привлек внимание официантки. – Я куплю вам кофе.

– Спасибо, – поблагодарил он и выложил на стол кольцо с ключами. – Снаружи на стоянке припаркована машина, ее регистрационный номер написан возле заголовка газеты.

– Премного вам обязан, – сказал я. – Я уже было собрался взять такси.

– Вам не за что быть мне обязанным, – ответил он резко. – Я делал только то, что мне сказали, так же как и вы, – а сейчас просто разговариваю, и теперь ваша очередь заняться делом. В Рейкьявик вы поедете не по главной дороге, а через Крусьювик и Клейфавант.

Когда он это сказал, я подавился кофе, который прихлебывал из чашечки. Придя в себя и восстановив дыхание, я воскликнул:

– Какая в этом необходимость, черт возьми? Мне придется преодолеть в два раза большее расстояние по паршивым дорогам!

– Не знаю, – ответил он. – Я просто тот парень, который передает распоряжения. Но эта инструкция появилась в последний момент, значит, до кого-то дошли сведения насчет того, что где-то на главной дороге вас может поджидать кто-то еще. Я не знаю.

– Вы знаете немного, не так ли? – спросил я саркастично и постучал по газете. – Вы не знаете, что здесь, вы не знаете, почему я должен тратить весь день на то, чтобы обогнуть полуостров Рейкьянес. Я сомневаюсь, что получу ответ, если даже спрошу вас, сколько времени.

Он криво усмехнулся.

– Все равно я готов поспорить, что знаю больше вас.

– Это совсем не сложно, – сказал я раздраженно. Таков был Слейд; он основывал всю работу на принципе необходимой достаточности и считал, что то, чего ты не знаешь, не сможет ему повредить.

Он допил свой кофе.

– Вот и все, приятель, – за исключением одного момента. Когда окажешься в Рейкьявике, оставь машину на стоянке перед отелем "Сага" и ни о чем не беспокойся. О ней позаботятся.

Он поднялся, не сказав больше ни единого слова, и пошел прочь, по-видимому, торопясь поскорее убраться подальше от меня. В течение нашего короткого разговора он сидел как на иголках, что насторожило меня, поскольку это не соответствовало тому, как Слейд описал мое задание. "Все очень просто, – говорил Слейд. – Ты будешь простым посыльным". Насмешливый изгиб его губ подразумевал, что это все, на что я теперь способен.

Я встал и сунул газету под мышку. Вес скрытого в ней свертка оказался умеренно тяжелым, но не обременительным. Забрав свой багаж, я вышел наружу и обвел взглядом стоянку в поисках автомобиля, которым оказался подержанный "Форд картина". Минутой позже я покинул аэропорт Кьеблавик и направился на юг, удаляясь от Рейкьявика. Хотелось бы мне знать, какой идиот сказал: "Более длинный путь является самым коротким".

Оказавшись на безлюдном участке дороги, я остановил машину возле обочины и взял в руки газету, лежащую на сиденье там, где я ее бросил. Сверток точно соответствовал описанию Слейда – маленький и более тяжелый, чем можно было ожидать. Сверху его покрывала коричневая мешковина, зашитая аккуратными стежками, благодаря чему он выглядел совершенно безлико. Осторожные постукивания сказали мне, что под мешковиной очевидно скрыта металлическая коробка, в которой ничего не загремело, когда я попробовал ее потрясти.

Поверхностный осмотр не дал мне никакого ключа для разгадки содержимого свертка, поэтому я снова завернул его в газету и бросил на заднее сиденье, после чего продолжил свой путь. Дождь перестал моросить, и условия для вождения стали вполне приемлемыми – по исландским меркам. Английская проселочная дорога по сравнению со средним исландским шоссе выглядит как суперхайвей. Там, где есть шоссе, это так. Во внутренней части острова, которую исландцы называют Обиггдир, дорог нет вообще, и зимой попасть в Обиггдир не проще, чем на Луну, если только вы не рьяный исследователь по своей натуре. Впрочем, он и с виду очень похож на Луну; Нейл Армстронг именно здесь испытывал свой лунный вездеход.

Не доезжая до Крусьювика, я повернул в глубь острова и миновал отдаленные покрытые туманом склоны, где перегретый пар вырывался из чрева земли. Неподалеку от озера Клейфавант я увидел впереди остановившуюся у обочины машину и человека, подающего жестами универсальный сигнал попавшего в беду автолюбителя.

Мы оба действовали как последние дураки; я – потому что остановился, а он – потому что был один. Он заговорил со мной сначала на плохом датском, а потом на хорошем шведском. Оба эти языка я понимал. Как оказалось, у него что-то случилось с автомобилем, и он не мог сдвинуть его с места, что звучало достаточно убедительно.

Я вышел из "картины".

– Линдхольм, – сказал он в формальной шведской манере и протянул руку, которую я дернул вверх-вниз, как того требовал ритуал.

– Стюарт, – представился я и, подойдя к его "фольксвагену", нагнулся над открытым двигателем.

Я думаю, что поначалу он не собирался меня убивать, поскольку иначе сразу бы воспользовался пистолетом. А так он хотел устранить меня с помощью весьма профессионально изготовленной, залитой свинцом, дубинки. Только когда он оказался у меня за спиной, я понял, что веду себя как последний идиот – вот результат долгого отсутствия практики. Повернув голову, я увидел его поднятую руку и уклонился в сторону. Если бы дубинка пришла в сопри-

косновение с моим черепом, то тяжелое сотрясение мозга было бы мне гарантировано; вместо этого удар пришелся в плечо, и моя рука полностью онемела.

Я пнул его по голени, проведя ботинком сверху вниз от колена до лодыжки. Взвыв от боли, он отскочил назад, что дало мне время зайти за машину и достать из ножен "стен дабх". К счастью, этим оружием с одинаковым успехом можно пользоваться и левой рукой, поскольку моя правая рука полностью вышла из строя.

Он снова начал приближаться ко мне, но, увидев нож, заколебался, его губы раздвинулись в кривой усмешке. Он бросил дубинку и сунул руку во внутренний карман куртки, после чего наступила моя очередь заколебаться. Но его дубинка слишком хорошо сконструирована; она имела кожаную петлю, накинутую на запястье, и свисающее оружие помешало ему, благодаря чему я успел сблизиться с ним до того, как он вытащил пистолет.

Я не наносил ему удара. Он резко повернулся и наткнулся прямо на лезвие. Поток крови хлынул по моей руке, и он, обмякнув, прижался ко мне с выражением забавного недоумения на лице. Затем он опустился на землю у моих ног, нож свободно выскользнул из раны, и кровь пульсирующим потоком полилась из его груди на лавовую пыль.

Так я оказался на пустынной дороге в Южной Исландии со свежим трупом у ног и окровавленным ножом в руке, вкусом желчи во рту и оцепеневшим мозгом. С того времени, как я вышел из "кортины", до момента смерти моего противника прошло менее двух минут.

Дальнейшие действия я совершал почти бессознательно; вероятно, тут сказалась многолетняя тренировка. Я заскочил в "кортину" и подал машину немного вперед, чтобы она закрыла тело. То, что дорога была пустынна, вовсе не означало, что мимо меня не может проехать машина, а лежащее на виду тело вызовет множество вопросов.

Затем я взял "Нью-Йорк Таймс", которая, кроме прочих других достоинств, содержит больше новостей, чем любая другая газета в мире, и выставил ее багажник. Сделав это, я снова подал назад, поднял тело и, опустив его в багажник, быстро захлопнул крышку. Линдхольм – если таковым было его имя – исчез, если не из моей головы, то, по крайней мере, с моих глаз.

Кровь хлестала из него, как из коровы на мусульманской бойне, и у обочины дороги ее натекла большая лужа. Моя куртка и брюки также оказались сильно запачканными. С костюмом трудно было что-либо сделать, а кровавую лужу я присыпал пригоршней лавовой пыли. Я закрыл капот "фольксвагена", сел за руль и включил зажигание. Линдхольм оказался не только неудачливым убийцей – он был еще и лжецом, поскольку двигатель завелся сразу. Я наехал машиной на залитый кровью участок земли и оставил ее там. На то, что кровь не будет замечена, когда машину сдвинут с места, надеяться не приходилось, но я сделал все, что мог.

Я снова сел в "кортину", последний раз окинул взглядом сцену преступления, прежде чем ее покинуть, и только тогда начал мыслить осознанно. Сначала я подумал о Слейде, отправив в ад его душу, после чего мои мысли повернули в более практическое русло. Я стал размышлять над тем, как избавиться от Линдхольма. Вам может показаться, что в стране, площадь которой составляет сорок пять процентов от территории Великобритании, а количество жителей в два раза меньше, чем, скажем в Плимуте, должно быть достаточно места с подходящими укромными уголками, в которых можно спрятать неудобное тело. Это верно, но я находился в особой части Исландии – юго-западной, наиболее плотно заселенной, и моя задача здесь становилась значительно сложнее.

Но все же я знал страну, и через некоторое время мне в голову начали приходить идеи. Я проверил уровень бензина в баке и приготовился к длительной поездке, надеясь на то, что машина в хорошем состоянии. Если меня заметят в заляпанной кровью куртке, то это несомненно вызовет определенные вопросы. В моем чемодане имелась другая одежда, но вокруг все же было слишком много машин, и я решил переодеться в более укромном месте.

Вся Исландия покрыта вулканами, особенно ее юго-западная часть с унылыми пейзажами лавовых полей и конусами вулканов как действующих, так и потухших. Во время своих

прежних путешествий я однажды наткнулся на вулканическое жерло, которое могло послужить идеальным местом в качестве последнего пристанища для Линдхольма, и именно туда теперь я направлялся.

К концу двухчасовой поездки я покинул дорогу и затрясся дальше по широким просторам, покрытым вулканическим пеплом и шлаком, что было явно не на пользу "кортине". Последний раз я проделывал этот путь на своем "лендровере", который больше подходил для подобных поездок.

Место оказалось точно таким, каким я его запомнил. Это был кратер потухшего вулкана с рваными краями кальдеры¹, в центре которой располагался каменистый бугорок с отверстием, через которое вырывались вулканические газы во время давно прошедшего извержения. Единственным знаком, свидетельствующим о том, что человеческие существа были здесь после сотворения мира, являлись следы шин, ведущие к самому краю кратера. Исландцы придумали свой необычный вид мотоспорта: они заезжают на мотоцикле в кратер, после чего отчаянно пытаются из него выбраться самым сложным путем. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь свернул себе шею в ходе этой рискованной игры, но тем не менее желания попробовать самому у меня не возникало.

Я подъехал на машине к жерлу так близко, как только мог, затем прошел вперед до тех пор, пока не оказался способен заглянуть в непроницаемый мрак бездонного отверстия. Я бросил в него камень, и быстро удаляющийся грохот был слышен еще долгое время. Герои Жюль Верна, совершавшие путешествия к центру Земли, могли бы сэкономить время, если бы выбрали этот кратер вместо Снайфедльсйекюдля.

Я обыскал Линдхольма, перед тем как перетащить его к месту последнего приюта. Это оказалось грязным делом, поскольку кровь еще не высохла, и мне повезло, что я не успел сменить свой костюм. У него имелся шведский паспорт, выданный на имя Акселя Линдхольма, что еще ни о чем не говорило – паспорт легко подделать. Среди прочих различных мелочей не оказалось ничего важного, и я оставил себе только дубинку и пистолет смит-вессон тридцать восьмого калибра.

Затем я подтащил его к жерлу и сбросил вниз. После нескольких глухих ударов наступила тишина – тишина, которая, как я надеялся, будет длиться вечно. Я вернулся к машине и, переодевшись в чистый костюм, запихал запачканную одежду внутрь чемодана, свернув ее так, чтобы кровь не соприкасалась с его содержимым. Дубинку, пистолет и этот проклятый сверток Слейда – я тоже швырнул в чемодан, перед тем как его закрыть, после чего отправился в долгий путь к Рейкьявику.

Я чувствовал себя очень усталым.

¹ Кальдера – котлообразная впадина с крутыми склонами и ровным дном, образовавшаяся вследствие провала вершины вулкана.

2

Был уже поздний вечер, когда я остановился перед входом в отель «Сага», хотя в легких сумерках северного лета видимость все еще оставалась хорошей. Мои глаза болели из-за того, что последние несколько часов я ехал навстречу уходящему за горизонт солнцу, и чтобы дать им отдых, я на некоторое время задержался в машине. Если бы я остался в машине еще на две минуты, то последующего рокового события могло и не произойти, но я этого не сделал; я выбрался наружу, и когда уже вытаскивал с заднего сидения свой чемодан, в дверях отеля появился высокий мужчина, который, увидев меня, сразу остановился и воскликнул:

– Алан Стюарт!

Я поднял голову и беззвучно выругался, поскольку мужчина в униформе исландского летчика был последним человеком, которого я хотел встретить – Бьярном Рагнарссоном.

– Привет, Бьярни, – сказал я.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Элин не сказала мне, что ты приезжаешь.

– Она ничего не знает, – признался я. – Я принял решение в последний момент. У меня не было времени даже для того, чтобы позвонить.

Он посмотрел на мой чемодан, стоящий на тротуаре.

– Ты собираешься остановиться в "Саге"? – Спросил он удивленно.

Мне было необходимо быстро найти ответ.

– Нет, – сказал я. – Я остановлюсь на квартире.

Я не собирался вмешивать Элин во все это, но теперь ее брат знает, что я в Рейкьявике, о чем несомненно сообщит и ей, а мне не хотелось обижать Элин подобным образом. Мои отношения с ней были весьма особенными.

Я заметил, что Бьярни смотрит на машину.

– Я оставлю ее здесь, – сказал я небрежно. – Просто я обещал другу доставить машину к отелю. До квартиры я доберусь на такси.

Он принял это, после чего спросил:

– Останешься надолго?

– До конца лета, как обычно, – ответил я беспечно.

– Мы должны съездить на рыбалку, – сказал он.

Я согласился.

– Ты еще не стал отцом?

– Остался еще месяц, – произнес он мрачно. – Я просто в ужасе от того, что меня ожидает. Я засмеялся.

– Мне кажется, это Кристина должна беспокоиться: ты проводишь в стране меньше половины своего времени. Вряд ли тебе придется часто менять пеленки.

Мы провели еще несколько минут за обычной неспешной болтовней внезапно повстречавшихся старых приятелей, после чего он взглянул на часы.

– У меня рейс в Гренландию, – сказал он. – Я должен идти. Я позвоню тебе через пару дней.

– Позвони обязательно.

Я проводил его взглядом, затем поймал такси, которое как раз остановилось около отеля, и объяснил водителю, куда ехать. Я расплатился с ним, выйдя из машины возле самого дома и в нерешительности замер на тротуаре, размышляя над тем, правильно ли я поступаю.

Элин Рагнарсдоттир занимала в моей жизни особое место.

Она была школьной учительницей, но как и многие другие исландцы ее профессии, трудилась на двух работах. Существуют определенные факторы, свойственные только Ислан-

дии – малочисленность населения, размеры страны и природные условия северных широт, – совокупность которых и определяет ее социальную систему, которая иностранцу может показаться несколько странной. Но поскольку сложившаяся система вполне устраивала исландцев, их совершенно не беспокоило, что подумают иностранцы, как в общем-то и должно быть.

Одним из результатов этой системы являлось то, что школы закрывались летом на четыре месяца и большинство из них в этот период использовалось как отели. Вследствие чего у учителей появлялось множество свободного времени, и они имели самые различные летние профессии. Когда три года назад я впервые встретился с Элин, она работала агентом в бюро путешествий и сопровождала туристов в экскурсиях по стране.

Двумя сезонами раньше я убедил ее стать моим личным гидом на все летнее время. Я опасался, что ее брат Бьярни сочтет этот заработок слишком ненадежным и начнет чинить препятствия, но такого не произошло – возможно, он решил, что его сестра достаточно взрослая для того, чтобы улаживать свои дела самостоятельно. Элин ничего от меня не требовала, и наша связь была очень легкой, но, очевидно, так не могло продолжаться вечно, и я собирался кое-что предпринять по этому поводу, только следовало выбрать более подходящее время – нужно быть человеком с железными нервами, для того чтобы сделать женщине предложение, предварительно сбросив в тот же день мертвое тело в жерло вулкана.

Я поднялся по лестнице, и хотя у меня имелся ключ, я им не воспользовался; вместо этого я постучал в дверь. Элин открыла ее и замерла с выражением удивления на лице, тотчас же сменившегося радостью. При виде ее стройной фигуры и соломенного цвета волос у меня внутри что-то сжалось.

– Алан! – воскликнула она. – Почему ты не сообщил мне о своем приезде?

– Внезапное решение, – сказал я и потряс в воздухе зачехленной удочкой. – Я купил новую.

Уголки ее губ опустились вниз в гримасе притворного негодования.

– Итого их будет шесть, – произнесла она сердито и распахнула дверь пошире. – Ну входи же, дорогой!

Я вошел, бросил на пол чемодан с удочкой и заключил ее в свои объятия. Она прижалась ко мне и сказала, не отрывая головы от моей груди:

– Ты не писал, и я подумала...

– Ты подумала, что я не приеду. – Я не писал из-за того, что узнал кое-что от Слейда, но не мог сказать ей об этом. – Я был очень занят, Элин.

Она откинула голову назад и внимательно посмотрела на меня.

– Да, твое лицо осунулось, ты выглядишь усталым.

Я улыбнулся.

– И чувствую себя голодным.

Она поцеловала меня.

– Я приготовлю что-нибудь, – сказала она, вырвавшись из моих объятий. – Можешь не распаковывать свой чемодан, я сделаю это после ужина.

Я подумал о запачканном кровью костюме.

– Не беспокойся, я справлюсь с ним сам, – произнес я небрежным тоном и, взяв в руки чемодан и удочку, отнес их в свою комнату. Я называл ее своей комнатой потому, что в ней хранились мои вещи. На самом деле мне принадлежала вся квартира, поскольку, хотя она и была оформлена на имя Элин, я платил ренту. Я проводил в Исландии третью часть каждого года, и мне казалось удобным иметь здесь собственное пристанище.

Я поставил удочку в угол, туда, где хранились остальные, и опустил на пол чемодан, размышляя над тем, что делать с костюмом. До этого момента у меня не было никаких секретов от Элин – за одним важным исключением – и здесь не имелось тумбочки или ящика, запираемого на ключ. Я открыл гардероб и окинул взглядом ряд костюмов и курток, висящих на отдельных

вешалках и аккуратно спрятанных от пыли в пластиковые мешки на молнии. Было бы очень рискованно оставить костюм в этом месте; Элин весьма педантично следит за моей одеждой и несомненно быстро обнаружит его здесь.

В конце концов я достал из чемодана все, кроме костюма и оружия, запер его и положил на гардероб, где он обычно и хранился. Вряд ли Элин захочет стащить его вниз, и даже если это придет ей в голову, то он все равно заперт, хотя такого раньше никогда не случалось.

Я снял рубашку, внимательно осмотрел ее и, обнаружив пятнышко крови на груди, пошел в ванную и смыл его под струей воды из крана. Затем я умылся холодной водой, после чего почувствовал себя значительно лучше. К тому времени, когда Элин прокричала, что ужин готов, я стоял в гостиной и смотрел в окно.

Я уже было отвернулся, когда мое внимание привлекло какое-то резкое движение. На другой стороне улицы в переулке между двумя зданиями кто-то, как мне показалось, быстро скрылся из виду, когда я дернул занавеску. Как я ни всматривался в сгущающийся сумрак, больше мне ничего не удалось разглядеть, но когда Элин позвала меня снова, я отошел от окна в глубокой задумчивости.

За ужином я спросил:

– Как себя чувствует наш "лендровер"?

– Я не знала, когда ты приедешь, но на прошлой неделе он прошел профилактический ремонт и теперь готов к любым испытаниям.

На исландских дорогах, известных своим отвратительным качеством, "лендроверов" не меньше, чем блох на собаке. Исландцы предпочитают "лендровер" с короткой колесной базой, но наш имел длинную базу, что позволяло нам использовать его как автофургон. Во время наших путешествий мы были полностью автономны и могли проводить целые недели вдали от цивилизации, только иногда заезжая в города пополнить запасы продовольствия.

Остаться на несколько недель наедине с Элин Рагнарсдоттир это не самый плохой способ провести лето.

В другие годы мы отправлялись в путешествие сразу после моего прибытия в Рейкьявик, но на этот раз из-за свертка Слейда все изменилось, и теперь я размышлял над тем, как одному добраться до Акуреири, не пробудив у Элин никаких подозрений. Слейд сказал, что работа будет легкой; но позднее мистер Линдхольм внес свои коррективы, и теперь мне совсем не хотелось впутывать Элин в это дело. Но с другой стороны, все, что я должен сделать, это доставить сверток по назначению, после чего с работой будет покончено и наступит лето, такое же, как и остальные. Задание казалось не слишком сложным.

Голос Элин вывел меня из состояния задумчивости.

– Ты на самом деле выглядишь усталым. Должно быть, ты слишком много работал.

Я попытался улыбнуться.

– Выдалась тяжелая зима. Холмы покрылись толстым слоем снега – я потерял часть стада. – Внезапно я вспомнил. – Ты хотела посмотреть, как выглядит глен², я захватил для тебя несколько фотографий.

Я сходил за фотографиями, после чего мы склонились над ними. Я показал ей Бхейнн Фхада и Сгурр Дирг, но Элин больше всего заинтересовали реки и деревья.

– Сколько деревьев! – сказала она с восторгом. – Шотландия просто прекрасна. – Ее реакция была типичной для исландцев. Остров был практически полностью безлесым. – А в ваших реках водятся лососи?

– Только форель, – ответил я. – За лососем я приезжаю в Исландию.

Она взяла в руки следующую фотографию – широко раскинувшийся пейзаж.

– Что здесь твое?

² Глен – тектоническая впадина.

Я взглянул на снимок и усмехнулся.

– Все, что ты здесь видишь.

– Ох! – Она ненадолго замолчала, а затем сказала немного смущенно: – Я никогда особенно не задумывалась над этим, Алан, но должно быть, ты очень богат.

– Я не Крез, – признался я, – но не далек от него. Три тысячи акров вересковых пустошей не особенно продуктивны, но овцы на холмах и лесное хозяйство в долине позволяют мне заработать на хлеб, а американцы, которые приезжают поохотиться на оленей, мажут этот хлеб маслом. – Я сжал ее руку. – Ты должна побывать в Шотландии.

– Мне хотелось бы этого, – сказала она просто.

Я быстро изложил ей свой план.

– Мне нужно встретиться завтра с одним человеком в Акурейри – это услуга, которую я оказываю своему другу. Поэтому мне надо лететь самолетом. Почему бы тебе не взять "ленд-ровер" и не встретить меня там? Или тебе будет не по силам проделать весь этот путь?

Элин засмеялась надо мной.

– Я управляю "лендровером" лучше тебя. – Она погрузилась в расчеты. – Всего здесь около четырехсот пятидесяти километров; я не хочу проезжать их за один день, поэтому сделаю остановку около Хвамстанги. Значит, в Акурейри я буду поздним утром на следующий день.

– Нет никакой нужды в том, чтобы ты ломала себе шею, – произнес я с облегчением: я смогу прилететь в Акурейри и избавиться от свертка до того, как там окажется Элин, а дальше все будет, как обычно. Не было никакой необходимости вовлекать ее в это дело. Я сказал: – Вероятно, я остановлюсь в отеле "Вардборг". Ты сможешь позвонить мне туда.

* * *

Но когда мы легли в постель, я обнаружил, что все еще охвачен неослабевающим напряжением и ничего не смог сделать для нее. Когда я сжал Элин в своих объятиях, призрачное лицо Линдхольма появилось перед моим внутренним зрением, и тошнота вновь подступила к горлу. Я закашлялся и сказал:

– Прости.

– Ничего страшного, милый, – прошептала она. – Ты устал. Теперь постарайся уснуть.

Но я не смог. Я лежал на спине и прокручивал в голове все события прошедшего дня. Я повторял про себя каждое слово, сказанное моим необщительным контактером в Кьеблавикском аэропорту, человеком, который, как говорил Слейд, должен передать мне свертки. "Ты не поедешь главной дорогой на Рейкьявик, – сказал он. – Езжай через Крусьювик".

Я поехал через Крусьювик и оказался на волоске от собственной гибели. Случайность или закономерность? Произошло бы то же самое, если бы я поехал по главной дороге? Подставили ли меня намеренно?

Мужчина в аэропорту был человеком Слейда, или, по крайней мере, он знал пароль, который назначил Слейд. Но предположим, что он не был человеком Слейда и все же знал пароль – не слишком сложно представить, как такое могло произойти. Тогда зачем он направил меня в руки Линдхольму? Определенно не ради свертка – свертки уже были у него! Зачеркни это и начни сначала.

Предположим, что он был человеком Слейда и все же направил меня к Линдхольму – В этом еще меньше смысла. И опять же, причем здесь свертки? Он мог не отдавать мне его с самого начала. Все сходилось к тому, что человек из аэропорта и Линдхольм не имели друг с другом ничего общего.

Но Линдхольм несомненно ждал именно меня. Он даже узнал мое имя, перед тем как начать атаку. Так откуда же, черт возьми, он узнал, что я поеду по дороге на Крусьювик? На это я не мог найти ответа.

В конце концов, убедившись, что Элин уже спит, я тихо поднялся с кровати и прошел на кухню.

Не включая света, я открыл холодильник и налил себе стакан молока, затем перебрался в гостиную и сел около окна. Короткая северная ночь подходила к концу, но все-таки было достаточно темно для того, чтобы я смог увидеть внезапно появившийся отблеск в переулке напротив, когда человек, ведущий наблюдение, затянулся сигаретой.

Он беспокоил меня, поскольку я больше не был уверен, что Элин в безопасности.

3

Мы оба встали рано, Элин из-за того, что хотела пораньше выехать в Акурейри, а я потому, что хотел добраться до «лендровера» раньше нее. Я собирался припрятать в машине кое-какие вещи, о существовании которых Элин было лучше не знать; например, пистолет Линдхольма. Я примотал его изолентой к внутренней поверхности несущей рамы, где он был надежно скрыт от взгляда. Дубинку я положил себе в карман. Я решил, что если дальнейшие события начнут разворачиваться в непредсказуемом направлении, то в Акурейри мне может понадобиться оружие.

Чтобы добраться до "лендровера", мне не пришлось выходить через парадную дверь, поскольку гараж находился во внутреннем дворе, и поэтому наблюдатель в переулке не мог меня увидеть. Но я разглядел его хорошо, так как следующее, что я сделал, это взял полевой бинокль и устроился с ним возле окна, выходящего на улицу, одним пролетом выше.

Это был высокий стройный мужчина с аккуратными усиками, и он выглядел заледеневшим. Если ему пришлось провести здесь всю ночь без перерыва, то теперь он, должно быть, не только промерз до костей, но и умирал от голода. Убедившись в том, что узнаю этого человека, если увижу его снова, я опустил бинокль как раз в тот момент, когда кто-то спустился по лестнице с верхнего этажа. Это оказалась пожилая женщина с седыми волосами, которая, посмотрев на меня, а затем на мой бинокль, многозначительно хмыкнула.

Я улыбнулся. Первый раз в жизни меня заподозрили в извращенном стремлении к созерцанию эротических сцен.

Завтрак доставлял мне особенное удовольствие, когда я вспоминал о своем голодном друге на другой стороне улицы.

– Ты выглядишь значительно бодрее, – заметила Элин.

– Это благодаря твоему кулинарному искусству, – сказал я.

Она обвела взглядом селедку, сыр, хлеб и яйца.

– Какое искусство? Каждый может сварить яйца.

– Но не так, как это делаешь ты, – заверил я ее.

Но я на самом деле чувствовал себя более бодро. Мрачные мысли рассеялись вместе с мраком ночи, и, невзирая на все оставшиеся без ответа вопросы, смерть Линдхольма больше не мучила меня. Он пытался меня убить, но ошибся, и был наказан за свою ошибку. Тот факт, что я убил его, не слишком сильно давил на мою совесть. Единственное, что продолжало меня беспокоить, это безопасность Элин.

Я сказал:

– До Акурейри есть одиннадцатичасовой рейс из Рейкьявикского городского аэропорта.

– Ты будешь на месте к ланчу, – заметила Элин. – Когда сядешь в самолет, подумай о том, что я в этот момент трясусь по ухабам где-то возле Кальдидалура. – Она начала торопливо прихлебывать горячий кофе. – Мне хотелось бы выехать как можно скорее.

Я обвел рукой заставленный посудой стол.

– Я уберу все это.

Она уже собралась идти, но тут заметила бинокль.

– Я думала, что он в "лендровере".

– Я просто проверил его, – сказал я. – В последний раз, когда я пользовался биноклем, мне показалось, что у него сбился фокус. Но оказалось, что все в порядке.

– Тогда я возьму его с собой, – сказала она.

Я спустился с ней в гараж и поцеловал ее на прощанье. Она внимательно посмотрела на меня и спросила:

– Все в порядке, Алан, не так ли?

– Разумеется, почему ты спрашиваешь?

– Не могу сказать. Очевидно, это какое-то женское чутье. Увидимся в Акурейри.

Я помахал ей вслед рукой и проводил машину взглядом. Ее отъезд, по-видимому, никого не встревожил; из-за углов зданий не начали выглядывать любопытные головы, и никто не пристроился за ней следом. Я вернулся в квартиру и проверил наблюдателя в переулке. Его не было видно, поэтому я сломя голову взбежал по лестнице на верхний этаж, откуда открывался лучший вид, и с облегчением вздохнул, когда обнаружил, что он стоит, прислонившись к стене, и хлопает себя руками по бокам.

По-видимому, он не знал об отъезде Элин, а если и знал, то его это не волновало. Я почувствовал, как у меня отлегло от сердца.

Помыв оставшуюся после завтрака посуду, я прошел в свою комнату, где нашел фотокамеру и вынул ее из футляра. Затем я взял покрытую мешковиной металлическую коробку и убедился, что она идеально помещается в кожаном футляре. С этого момента он постоянно будет находиться при моей персоне, пока я не передам коробку по назначению в Акурейри.

В десять часов я вызвал по телефону такси и отправился в аэропорт – перемещение, вызвавшее некоторую ответную активность. Обернувшись, я увидел, как мой соглядатай запрыгнул в машину, припаркованную неподалеку от переулка. Его автомобиль следовал за такси весь путь до аэропорта, сохраняя надлежащую дистанцию.

По прибытии я сразу прошел к окошку предварительных заказов.

– Я заказывал билет на рейс в Акурейри. Моя фамилия Стюарт.

Девушка за конторкой сверилась со списком.

– Да, мистер Стюарт. – Она взглянула на часы. – Но вы приехали слишком рано.

– Я выпью кофе, – сказал я. – Это поможет мне провести время.

Она выдала мне билет, за который я заплатил, после чего сказала:

– Свой багаж вы можете взвесить на тех весах.

Я постучал по футляру фотокамеры.

– Это все, что у меня есть. Я путешествую налегке.

Она засмеялась.

– Теперь я вижу. И еще, мистер Стюарт, я хочу вам сделать комплимент, вы прекрасно говорите на нашем языке.

– Спасибо.

Повернувшись, я увидел знакомое лицо, мелькнувшее неподалеку в толпе, – мой соглядатай продолжал наблюдение. Я проигнорировал его и подошел к стойке кафетерия, где купил газету и, устроившись поудобнее, приготовился к ожиданию.

После быстрого разговора у окошка заказов мой спутник купил себе билет, а затем прошел следом за мной к стойке, при этом мы оба целиком и полностью игнорировали друг друга. Он заказал себе завтрак, на который неистово набросился, его глаза изредка поблескивали в моем направлении. И тут мне улыбнулась удача: в громкоговорителе диктор прочистил себе горло и сказал по-исландски: "Мистера Бушнера просим подойти к телефону"; когда он повторил это на беглом немецком, мой спутник поднял голову, встал на ноги и пошел отвечать на звонок.

По крайней мере, теперь я мог дать ему имя, и соответствовало ли оно его настоящему имени было совсем неважно.

Он мог видеть меня из телефонной будки, так как весь разговор стоял лицом ко мне, словно ожидая, что я попытаюсь сбежать. Я разочаровал его, лениво заказав еще одну чашечку кофе, после чего углубился в газетную статью, посвященную тому, сколько лососей поймал Бинг Кросби во время своего последнего визита в Исландию.

Время в залах ожиданий всегда тянется мучительно медленно, и казалось, прошло несколько эонов³ до того, как объявили посадку на рейс в Акурейри. Герр Бушнер держался рядом со мной как в очереди, так и во время перехода к самолету по летному полю, и в салоне он занял место прямо позади меня.

Мы поднялись в воздух, начав перелет через Исландию, над холодными ледниками Лангйекюдль и Хофсйекюдль и вскоре уже кружили над Эйяфьедуром, готовясь совершить посадку в Акурейри, городе с населением ни много ни мало целых десять тысяч душ, столице Северной Исландии. Самолет, дернувшись в последний раз, замер на летном поле, и, расстегивая свой ремень безопасности, я услышал сзади ответный щелчок, когда Бушнер сделал то же самое.

Атака, когда она произошла, была проведена бесшумно и эффективно. Я покинул здание аэропорта и шел, направляясь к стоянке такси, и тут они все четверо одновременно окружили меня. Один перегородил мне путь спереди и, сжав мою правую руку, начал трясти ее вверх-вниз, при этом восклицая громким голосом, как ему приятно увидеть меня снова и с каким удовольствием он покажет мне все красоты Акурейри.

Человек слева схватил меня за другую руку и, прижавшись вплотную, прошептал мне на ухо по-шведски; "Только без глупостей, герр Стюартсен, или будете покойником". Я поверил ему, поскольку человек позади меня приставил к моей спине ствол пистолета.

Услышав щелчок, я повернул голову как раз в тот момент, когда человек справа маленькими ножницами перерезал ремешок от футляра фотокамеры. Я почувствовал, как ремешок ослаб и свободно повис на моем плече, после чего он ушел вместе с футляром, в то время как человек позади меня, оставаясь на своем месте, небрежно обнял меня одной рукой, а другой уткнул пистолет мне в ребра.

Я мог видеть Бушнера, остановившегося возле такси в десяти футах от меня. Он посмотрел в мою сторону с отсутствующим выражением на лице, затем отвернулся и, нагнувшись, сел в машину. Такси тронулось с места, и я заметил, как в заднем окне появился белый овал его лица.

Они задержали меня еще на две минуты, чтобы дать время человеку с футляром на то, чтобы скрыться, после чего стоявший слева от меня сказал – снова на шведском:

– Герр Стюартсен, сейчас мы собираемся вас покинуть, но на вашем месте я не стал бы делать глупостей.

Они отпустили меня и дружно отступили на шаг в сторону, их лица были напряжены, и глаза смотрели настороженно. Они не держали оружие на виду, но это совсем ничего не значило. Но я и не собирался ничего предпринимать; футляр от фотокамеры уже исчез, и к тому же неравенство сторон было слишком велико. Словно повинаясь какому-то сигналу, они дружно повернулись и разошлись в стороны, каждый в своем направлении, и оставили меня стоять на месте. Вокруг было достаточно много народа, но ни один из этих добропорядочных граждан Акурейри не заподозрил, что у них на глазах только что произошла такая неподобающая сцена.

Испытывая досаду, я одернул на себе куртку, а затем взял такси до отеля Вардборг. Больше я ничего не мог сделать.

³ Эон (век, эпоха – греч.) – отрезок времени геологической истории, объединяющий несколько эр.

4

Элин была права, я прибыл в «Вардборг» как раз к ланчу. Но только я воткнул вилку в баранье жаркое, как в ресторан вошел герр Бушнер, который огляделся по сторонам и, заметив меня, направился к моему столику. Он остановился по другую сторону стола и, подергав усами, спросил:

– Мистер Стюарт?

Я откинулся назад.

– Никак это герр Бушнер! Чем я могу быть вам полезен?

– Моя фамилия Грахам, – сказал он холодно. – И мне хотелось бы поговорить с вами.

– Сегодня утром вы были Бушнером, – заметил я. – Но если бы у меня была такая фамилия, то я тоже захотел бы ее сменить. – Я указал рукой в сторону свободного стула. – Будьте моим гостем – я могу порекомендовать вам суп.

Он чопорно уселся за стол.

– У меня нет настроения играть роль простака в вашей комедии, – сказал он, извлекая из своего кармана бумажник. – Моя аккредитация. – Он перебросил через стол ключок бумаги.

Развернув ее, я обнаружил левую половину стокроновой банкноты. Когда я сравнил ее с другой половиной из собственного бумажника, они идеально совпали. Я поднял на него глаза.

– Что ж, мистер Грахам, с этим, по-видимому, все в порядке. Что я могу для вас сделать?

– Вы можете отдать мне сверток, – сказал он. – Это все, что мне нужно.

Я с сожалением покачал головой.

– Вы знаете все не хуже меня.

Он нахмурился.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что не могу передать вам сверток, поскольку его у меня нет.

Его усы снова дернулись, и глаза стали холодными.

– Давайте покончим с этими играми, Стюарт. Сверток. – Он протянул свою руку.

– Черт возьми! – воскликнул я. – Вы были там – вы знаете, что произошло.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Я был где?

– Возле аэропорта Акурейри. Вы как раз брали такси.

Его глаза блеснули.

– Неужели? – произнес он бесцветным голосом. – Продолжайте!

– Они схватили меня прежде, чем я понял, что происходит, и в считанные секунды освободили от груза. Он был в футляре из-под фотокамеры.

Его голос надломился:

– Вы хотите сказать, что его у вас нет!

Я язвительно заметил:

– Если вы собирались быть моим телохранителем, то должен сказать, что свою работу вы проделали отвратительно. Слейду это не понравится.

– Клянусь Богом, нет! – произнес Грахам с чувством. Его правое веко задергалось от тика. – Так, значит, груз был в футляре из-под фотокамеры.

– А где ему еще быть? Это единственный багаж, который у меня был с собой. Кому, как не вам, об этом знать – вы стояли прямо за мной и хлопали своими большими ушами, когда я проходил регистрацию в Рейкьявикском аэропорту.

Он посмотрел на меня с неприязнью.

– Считаете себя умным, не так ли? – он наклонился вперед. – Теперь поднимется ужасная суматоха. Вам лучше оставаться в пределах досягаемости, Стюарт, так, чтобы я смог легко вас найти, когда вернусь назад.

Я пожал плечами.

– А куда я могу деться? Кроме того, я уже заплатил за комнату, а мне не чужда шотландская бережливость.

– Вы воспринимаете все чертовски спокойно.

– А чего еще вы от меня ожидали? Думали, что я начну обливаться слезами? – Я рассмеялся ему в лицо. – Не будьте ребенком, Грахам.

Его лицо напряглось, но он ничего не сказал; вместо этого он поднялся со стула и вышел из ресторана. Я на пятнадцать минут погрузился в состояние глубокой задумчивости, успев за это время отполировать тарелку с бараниной и прийти к решению относительно того, что мне делать с выпивкой, если она попадет в мои руки, поэтому после ланча я отправился на ее поиски.

Проходя через фойе отеля, я увидел Бушнера-Грахама, целиком поглощенного разговором в телефонной будке. Хотя в фойе было не особенно жарко, по его лицу катились струйки пота.

5

Я очнулся от глубокого сна из-за того, что кто-то потряс меня за плечо и прошипел:

– Стюарт, проснитесь!

Открыв глаза, я увидел склонившегося надо мной Грахама.

Я уставился на него с недоумением.

– Как забавно! Я был абсолютно уверен, что закрыл входную дверь.

Он невесело усмехнулся.

– Вы ее закрыли. Вставайте, сейчас вас будут допрашивать. Вам лучше иметь ясную голову.

– Сколько сейчас времени?

– Пять утра.

Я улыбнулся.

– Гестаповская техника! Что ж, хорошо. Полагаю, я буду чувствовать себя лучше после того, как побреюсь.

Грахам заметно нервничал.

– Вам лучше поторопиться. Он будет здесь через пять минут.

– Кто будет?

– Увидите сами.

Я набрал в раковину горячей воды и начал намыливать лицо.

– Какова была ваша функция, Грахам, в этой необычной операции? Как телохранитель вы абсолютно безнадежны, так что это предположение мы отбрасываем сразу.

– Вы лучше бы перестали думать обо мне и подумали о себе самом, – сказал он. – Вам придется многое объяснить.

– Верно, – заметил я и, положив кисточку, взял в руки бритву.

Скрести собственное лицо полоской острого металла всегда казалось мне занятием бессмысленным и немного мрачным; я чувствовал бы себя более счастливым, если бы принадлежал к поколению волосатиков – агент по контршпионажу на службе у Ее Величества Королевы Виктории имел бы в их среде идеальное прикрытие.

Должно быть, я нервничал больше, чем мне казалось, поскольку порезался до крови при первом проходе. Тут кто-то небрежно постучался в дверь, и в комнату вошел Слейд. Он захлопнул за собой дверь, пнув ее ногой, и посмотрел на меня с кислой гримасой на своем скуластом лице. Его руки были глубоко засунуты в карманы плаща. Без всяких вступлений он коротко спросил:

– В чем дело, Стюарт?

Нельзя придумать ничего более изощренного для того, чтобы выбить человека из колеи, чем заставить его пуститься в запутанные объяснения с лицом, покрытым высыхающей пеной. Я снова повернулся к зеркалу и продолжал бриться – сохраняя молчание.

Слейд издал один из своих непередаваемых звуков – быстрый выброс воздуха через рот и ноздри. Он уселся на кровать, пружины которой жалобно закричали от его избыточного веса.

– Надеюсь, что для моего приезда имеются веские причины, – сказал он. – Мне не нравится, когда меня среди ночи выдергивают из кровати и перебрасывают самолетом на холодный север.

Продолжая бриться, я подумал, что то, что привело Слейда из Лондона в Акурейри, должно иметь большое значение. Сделав завершающее рискованное движение бритвой возле адамова яблока, я сказал:

– Так, значит, груз был более важным, чем ты мне говорил.

Я пустил холодную воду и смыл с лица остатки мыльной пены.

– ... этот проклятый груз, – сказал он.

– Сожалею, – извинился я. – Но я не расслышал. Вода попала в уши.

Было видно, что он сдерживает себя с трудом.

– Где груз? – спросил он с деланным спокойствием.

– Где он находится в данный момент, я не могу тебе сказать. – Я начал энергично вытирать свое лицо. – Вчера в полдень его отобрали у меня четыре неизвестные особи мужского пола, но ты наверное знаешь об этом от Грахама.

Он повысил голос:

– И ты позволил им его забрать – просто так!

– В тот момент я ничего не мог поделать, – заметил я невозмутимо. Я кивнул в сторону Грахама. – А в чем заключалась его роль в данной операции – если мне можно об этом узнать?

Слейд сложил руки на своем животе.

– Мы думали, что они будут следить за Грахамом – вот почему мы включили в дело тебя. Мы решили, что они попытаются заблокировать Грахама и позволят тебе спокойно добежать до голевой линии.

Я не поверил этому объяснению. Если они – кто бы они ни были – следили за Грахамом, то он действовал весьма необычно, привлекая ко мне их внимание тем, что постоянно маячил у меня за спиной. Но я ничем не выразил своего недоверия, так как Слейд всегда был скользким типом и мне хотелось иметь что-нибудь про запас.

Вместо этого я сказала:

– Они не стали блокировать Грахама – они блокировали меня. Но возможно, они не знакомы с правилами регби; эта игра не особенно распространена в Швеции. – Я в последний раз вытер у себя за ушами и отбросил полотенце. – Так же как и в России, – добавил я, словно бы в раздумье.

Слейд поднял голову.

– И что заставляет тебя думать о русских?

Я усмехнулся.

– Я всегда думаю о русских, – сказал я сухо. – Как тот француз, который постоянно думает о сексе. – Я перегнулся через него и взял свои сигареты. – Кроме того, они называли меня Стюартсен.

– Ну и что?

– То, что они знали, кто я такой – не кто я сейчас, а кем я был когда-то. Это несомненно.

Слейд стрельнул глазами в сторону Грахама и бросил резко:

– Подожди снаружи.

Грахам ответил обиженным взглядом, но послушно вышел за дверь. Когда он ее закрыл за собой, я сказал:

– Ну что ж, теперь, когда дети покинули комнату, взрослые могут побеседовать спокойно. И где, черт возьми, ты подобрал этого типа? Я говорил тебе, что не потерплю участия в операции стажеров.

– Почему ты думаешь, что он стажер?

– Да ты сам посмотри, у него еще молоко на губах.

– Он хороший парень, – заверил меня Слейд и беспокойно переместился на кровати. Некоторое время он сохранял молчание, а потом сказал: – Так ты все-таки провалил операцию, не так ли? Все, что надо было сделать, это доставить маленький сверток из пункта А в пункт Б, и ты умудрился здесь поскользнуться. Я знал, что ты растренирован, но Боже мой мне и в голову не приходило, что ты настолько одряхлел. – Он выпрямил указательный палец. – И они называли тебя Стюартсен! Ты понимаешь, что это означает!

– Кенникен, – ответил я, не задумываясь. – Он здесь – в Исландии?

Слейд покачал головой.

– Мне об этом ничего неизвестно. – Он посмотрел на меня искоса. – Когда ты вышел на контакт в Рейкьявике, что тебе было сказано?

Я пожал плечами.

– Немного. Мне передали машину, на которой я должен был доехать до Рейкьявика через Крусьювик, после чего оставить ее на стоянке перед отелем "Сага". Так я и сделал.

Слейд издал глубокий гортанный звук.

– Никаких проблем не возникало?

– А они ожидались? – спросил я мягко.

Он раздраженно затряс головой.

– До нас дошли сведения насчет того, что может что-то произойти. Мы решили, что будет лучше изменить твой маршрут. – Он поднялся с выражением сильного недовольства на лице и подошел к двери. – Грахам!

Я сказал:

– Мне жаль, что все так получилось, Слейд, на самом деле жаль.

– Пустые сожаления ситуации не исправят. Нам остается только посмотреть, что мы можем спасти из этих обломков. Черт возьми, я вовлек тебя в операцию только потому, что Департамент испытывает недостаток кадров, а теперь из-за твоей глупости оказалась раскрытой целая страна. – Он повернулся к Грахаму. – Свяжись с Департаментом в Лондоне, я подойду к телефону внизу. И позвони капитану Ли в аэропорт, я хочу, чтобы самолет был готов к вылету через пять минут. Мы должны двигаться быстро.

Я деликатно кашлянул:

– Я тоже?

Слейд взглянул на меня с ненавистью.

– Ты! Ты уже сделал достаточно для того, чтобы провалить эту операцию.

– Хорошо, тогда чем я должен заниматься?

– Можешь убраться хоть к дьяволу, лишь бы подальше с моих глаз, – сказал он. – Возвращайся в Рейкьявик и затворись со своей подружкой на весь остаток лета. – Он повернулся и наткнулся на Грахама. – Какого черта ты здесь дожидаясь? – проревел он, и Грахам исчез.

Слейд остановился возле двери и произнес, не оборачиваясь:

– Но тебе лучше не забывать о Кенникене, поскольку я не пошевелю и пальцем, чтобы остановить его. Клянусь Богом, я надеюсь на то, что он прижмет тебя к ногтю!

Дверь захлопнулась, и, устроившись на кровати, я погрузился в состояние глубокой задумчивости. Я знал, что если я когда-либо снова повстречаюсь с Кенникеном, то это будет встреча со смертью.

Глава вторая

1

Элин позвонила, когда я заканчивал свой завтрак. По потрескиваниям в трубке и из-за слабой слышимости я понял, что она использует радиотелефон, установленный в «ленд-ровере». Большинство автомобилей, путешествующих на большие расстояния, оснащены в Исландии радиотелефонами – средство безопасности, которого требуют сложные природные условия острова. Это обычное объяснение, но оно не содержит всей правды. Дело в том, что исландцы любят говорить по телефону и являются одной из самых болтливых наций на земле, занимая третье место в мире сразу вслед за Соединенными Штатами и Канадой по количеству телефонных звонков на душу населения.

Она поинтересовалась, хорошо ли мне спалось, и я заверил ее, что со мной все в порядке, после чего спросил:

- Когда ты будешь здесь?
- Примерно в одиннадцать тридцать.
- Я встречу тебя возле кемпинга, – сказал я.

У меня было два свободных часа, которые я провел, прогуливаясь по Акурейри как турист, заскакивал в различные магазины, неожиданно поворачивал назад, в общем, разыгрывал из себя дурака. Но к моменту нашей встречи с Элин возле кемпинга, я был абсолютно уверен в том, что за мной нет хвоста. Было похоже на то, что Слейд говорил правду, когда заверил меня, что я не вхожу в его дальнейшие планы.

Я открыл дверцу "лендровера" и сказал:

- Пересядь, я сяду за руль.

Элин посмотрела на меня с удивлением.

- Разве мы не останемся?

– Мы удалимся от города на некоторое расстояние, а затем пообедаем. Есть нечто такое, о чем я хочу с тобой поговорить.

Я направился по северной дороге, идущей вдоль побережья, поддерживая высокую скорость и постоянно поглядывая назад. Когда стало ясно, что нас никто не преследует, я несколько расслабился, но не настолько, чтобы изгнать тревогу из глаз Элин. Она видела, что я чем-то озабочен, и тактично сохраняла молчание, но в конце концов спросила:

- Что-то случилось, не так ли?
- Ты совершенно права, – сказал я. – Именно это я и хочу с тобой обсудить.

Еще в Шотландии Слейд предостерегал меня против вовлечения Элин в операцию, он также упомянул Официальный Секретный Акт, который предусматривает юридическую ответственность за болтливость. Но если моя будущая жизнь с Элин что-то для меня значит, то я должен рассказать ей правду, и к черту Слейда вместе с его Официальным Секретным Актом.

Снизив скорость, я свернул с дороги, проехал по дерну и, остановив машину, посмотрел на море. Беспорядочно усеянный валунами берег опускался к серой воде, и вдалеке сквозь дымку тумана призрачно виднелся остров Гримсей. Кроме этого клочка суши, между нами и Северным полюсом не лежало абсолютно ничего. Это был Северный Ледовитый океан.

Я спросил:

- Что ты знаешь обо мне, Элин?
- Странный вопрос. Ты Алан Стюарт – человек, которого я очень люблю.
- И это все?

Она пожала плечами.

– А что еще мне нужно знать?

Я улыбнулся.

– И никакого любопытства, Элин?

– Ох, у меня есть любопытство, но я держу его под контролем. Если ты захочешь, чтобы я что-нибудь знала, то сам мне об этом расскажешь, – сказала она спокойно, затем немного поколебалась. – Я знаю про тебя одну вещь.

– Что именно?

Она повернулась лицом ко мне.

– Я знаю, что ты пережил душевную травму и это произошло незадолго до нашей встречи. Вот почему я оставила свои вопросы при себе – мне не хотелось, чтобы ты снова испытывал боль.

– Ты весьма проницательна, – сказал я. – Я не думал, что это заметно. Ты удивишься, если вдруг узнаешь, что когда-то я был агентом Британской разведки – шпионом?

Она посмотрела на меня оценивающим взглядом.

– Шпион, – произнесла она медленно, словно бы пробуя слово на вкус. – Да, я буду сильно удивлена. Это не самое почетное занятие – ты человек не того типа.

– То же самое мне говорили совсем недавно, – произнес я сардонически. – Тем не менее это так.

Некоторое время она сохраняла молчание, а затем сказала:

– Ты был шпионом. То, что было в прошлом, не имеет значения. Я знаю тебя таким, каким ты стал сейчас.

– Временами прошлое настигает нас, – заметил я. – Это случилось со мной. Есть человек, которого зовут Слейд... – Я остановился, задумавшись над тем, правильно ли я поступаю.

– Да? – подтолкнула она меня.

– Он приезжал ко мне в Шотландию. Я расскажу тебе про это – про Слейда в Шотландии.

2

Охота в этот день складывалась неудачно. Что-то побеспокоило оленей в течение ночи, поскольку они покинули долину, в которой должны были находиться по моим расчетам, и поднялись на крутые склоны Бхейнн Фхады. Я мог видеть их через оптический прицел – бледные серо-коричневые тени, пасущиеся среди зарослей вереска. При том направлении, в котором дул ветер, я смог бы подобраться к ним, только если бы у меня выросли крылья, и поскольку это был последний день охотничьего сезона, оленям до конца лета ничего не грозило от Стюарта.

В три часа дня я собрался и отправился домой. Я уже спускался вниз по склону Сгурр Мора, когда вдруг увидел машину, припаркованную рядом с моей хижинкой, и микроскопическую фигурку человека, прогуливающегося взад-вперед. До хижины было нелегко добраться – разбитая колея, ведущая из горной деревушки обычно отпугивала случайных туристов, – и поэтому тот, кто сюда приезжал, как правило, хотел увидеть меня очень сильно. Повторные визиты случались редко; я натура замкнутая и не поощряю визитеров.

Поэтому я решил сохранить осторожность и, приблизившись, остановился под прикрытием скалы возле ручья. Сняв с плеча винтовку, я проверил ее еще раз, чтобы убедиться в том, что она разряжена, после чего прижался плечом к прикладу.

В поле зрения оптического прицела появилась увеличенная фигура человека. Сначала передо мной была только его спина, но затем он повернулся, и я увидел, что это Слейд.

Я остановил перекрестье прицела на его широком бледном лице и мягко нажал на спусковой крючок. Курок ударил по бойку, издав безвредный щелчок. Я подумал о том, не стоит ли мне сделать то же самое, только предварительно дослав в ствол патрон. Но зарядить оружие значит сделать свои действия слишком преднамеренными, поэтому я перекинул винтовку через плечо и пошел по направлению к хижине. Мне все-таки следовало зарядить в ствол патрон.

Когда я приблизился, он повернулся и помахал рукой.

– Добрый день! – крикнул он так невозмутимо, словно был здесь частым и желанным гостем.

Я подошел к нему.

– Как ты меня нашел?

Он пожал плечами.

– Это было не слишком сложно. Ты знаешь мои методы. Я знал их, и они мне не нравились.

Я сказал:

– Хватить разыгрывать из себя Шерлока Холмса. Что тебе нужно?

Он махнул рукой в сторону хижины.

– Ты не собираешься пригласить меня внутрь?

– Зная тебя, я готов поспорить, что ты уже обыскал мое жилище.

Он воздал к небу руки в притворном ужасе.

– Даю тебе слово чести, я этого не делал.

Я почти рассмеялся ему в лицо, поскольку у этого человека не было чести. Отвернувшись, я толкнул рукой дверь, и он зашел внутрь следом за мной, неодобрительно прищелкивая языком.

– Не закрыто? Ты слишком доверчив.

– Здесь нет ничего такого, что стоило бы украсть, – произнес я равнодушно.

– Только твоя жизнь, – сказал он и бросил на меня быстрый взгляд.

Я оставил это утверждение без ответа и положил винтовку на оружейную стойку. Слейд с любопытством огляделся по сторонам.

– Примитивно, но комфортабельно, – заметил он. – Но я не понимаю, почему ты не живешь в большом доме.

– Кажется, это не твое дело.

– Возможно, – сказал он и сел в кресло. – Так, значит, ты укрылся в Шотландии и не ожидал, что тебя найдут. Защитная окраска, да? Стюарт, спрятавшийся среди множества других Стюартов. Ты заставил нас испытать некоторые затруднения.

– Кто сказал, что я здесь прячусь? Я шотландец, ты это знаешь.

Он широко улыбнулся.

– Отчасти. Только по своему дедушке с отцовской стороны. Не так давно ты был шведом, а перед этим финном. Тогда ты, разумеется, назывался Стюартсен.

– Ты проехал пятьсот миль только для того, чтобы поговорить о старых временах? – спросил я устало.

– Ты выглядишь совсем неплохо, – заметил он.

– Не могу сказать того же самого о тебе, ты вышел из формы и начал полнеть.

Он хмыкнул.

– Роскошь, мой мальчик, роскошь – все эти обеды за счет правительства Ее Величества, – он взмахнул пухлой рукой. – Но давай оставим это, Алан.

– Для тебя я мистер Стюарт, – сказал я подчеркнуто.

– Ах, ты не любишь меня, – произнес он обиженным голосом. – Но неважно – в конце концов, дело совсем не в этом. Я... мы... хотим, чтобы ты выполнил для нас работу. Ничего сложного, ты сам убедишься.

– Ты наверное сошел с ума, – сказал я.

– Я знаю, как ты должен себя чувствовать, но...

– Ни черта ты не знаешь, – бросил я резко. – Если ты ожидаешь, что я буду на тебя работать после того, что произошло, то, значит, ты еще более сумасшедший, чем мне казалось.

Я, конечно, ошибался. Слейд отлично знал, как я себя чувствую: это было его работой – узнавать людей, чтобы использовать их как инструмент. Я ожидал, что он сейчас начнет оказывать на меня давление, и достаточно скоро это произошло. Разумеется, он действовал в своей обычной косвенной манере.

– Тогда давай поговорим о старых временах, – предложил он. – Ты, наверное, помнишь Кенникена.

Я его помнил – со мной должна случиться полная амнезия, чтобы я забыл Кенникена. Передо мной возникло его лицо таким, каким я видел его в последний раз: глаза, похожие на серую гальку, расположенные высоко над широкими славянскими скулами, шрам, протянувшийся от правого виска до уголка рта, ярко выделяющийся на фоне побледневшей кожи. В тот момент он был достаточно зол для того, чтобы меня убить.

– А что там с Кенниконом? – спросил я медленно.

– Только то, что, насколько я слышал, он тоже ищет тебя. Ты сделал из него дурака, и ему это не понравилось. Кенникон хочет найти тебя, чтобы ... – Слейд остановился, словно бы подыскивая нужное слово. – Как звучит эта деликатная фраза, которую используют наши коллеги из ЦРУ? Ах да – Кенникон хочет найти тебя, чтобы ликвидировать с максимальным ущербом. Хотя я уверен, что в КГБ не используют это точное выражение.

Чертовски милый термин для пули в затылок темной ночью.

– Ну так что? – поинтересовался я.

– Он все еще ищет тебя, – подчеркнул Слейд.

– Почему? – спросил я. – Я больше не работаю в Департаменте.

– Но Кенникон, к сожалению, об этом не знает. – Слейд принялся изучать свои ногти. – Мы храним информацию втайне от него – достаточно успешно, я надеюсь. Нам кажется разумным поступать так.

Я видел, куда он клонит, но мне хотелось, чтобы Слейд высказался прямо, хотелось заставить его заговорить простым языком – то, чего он всегда избегал.

– Но он не знает, где я.

– Верно, мой мальчик, – но что, если кто-нибудь сообщит ему об этом?

Я подался вперед и пристально посмотрел на Слейда.

– И кто же сможет ему сообщить?

– Я смогу, – произнес он мягко. – Если сочту, что это необходимо. Я должен буду сделать все очень осторожно и через третью сторону, разумеется, но это вполне можно устроить.

Так вот что таилось в его словах – угроза предательства. Ничего нового для Слейда; шантаж и коррупция были делом всей его жизни. Я вовсе не собирался начать первым бросать в него камни; когда-то это было и моей работой тоже. Но разница между нами заключалась в том, что Слейд любил свою работу.

Я дал ему возможность продолжить свою болтовню, извлечь на свет второстепенные детали.

– Кенникен руководил весьма эффективной террористической группой, в чем мы убедились на собственной шкуре, не так ли? Несколько членов Департамента были... э... ликвидированы людьми Кенникена.

– Почему бы тебе не сказать просто, что они были убиты?

Он нахмурился, и пороссячи глазки погрузились еще глубже в складки жира, которым заплыло его лицо.

– Ты всегда был грубым, Стюарт, возможно, более грубым, чем требовалось для твоей собственной пользы. Я не забыл тот случай, когда ты пытался доставить мне неприятности с Таггартом. Я помню, тогда ты тоже употребил это слово.

– Я употреблю его еще раз, – сказал я. – Ты убил Джимми Биркби.

– Я убил? – спросил Слейд мягко. – Кто подложил гелигнит в его машину? Кто осторожно подсоединил провода детонатора к системе зажигания? Это сделал ты! – Он оборвал меня рубящим движением руки. – И только благодаря этому ты смог вплотную подобраться к Кенникену, только это заставило Кенникена довериться тебе настолько, что мы впоследствии оказались способны одолеть его. Ты действовал очень хорошо, Стюарт, – ты сделал все, что от тебя требовалось.

– Да, ты использовал меня, – сказал я.

– И я использую тебя снова, – сказал он резко. – Или ты предпочитаешь оказаться в руках Кенникена? – Он внезапно рассмеялся. – Ты знаешь, я думаю Кенникену абсолютно наплевать, работаешь ты в Департаменте или нет. Ты нужен ему сам по себе.

Я с недоумением посмотрел на него.

– И что ты хочешь этим сказать?

– Ты разве не знаешь, что Кенникен теперь импотент? – спросил Слейд удивленно. – Насколько я помню, ты собирался убить его тем последним выстрелом, но освещение было плохим, и, как тебе показалось, ты просто ранил его, Ты и на самом деле его ранил, но не просто – ты кастрировал беднягу. – Его руки, сложенные на животе, мелко затряслись, когда он сдавленно захихикал. – Выражаясь невежливо – или, если хочешь, грубо, – ты отстрелил ему яйца, мой мальчик. Можешь себе представить, что он с тобой сделает, Кенникен, если – и когда – он до тебя доберется.

Я похолодел и почувствовал зияющую пустоту в нижней части живота.

– Существует только один путь, который может помочь сбежать от всего мира, и тот лежит через могилу, – произнес Слейд с фальшивой назидательностью. – Ты попробовал свой способ, и он не сработал.

Он был прав, я не мог ожидать ничего другого.

– Так, значит, дело в следующем, – сказал я. – Ты хочешь, чтобы я выполнил работу. Если я этого не сделаю, ты настучишь оппозиции, и оппозиция уберет меня, – и теоретически твои руки останутся чистыми.

– Весьма четко изложено, – заметил Слейд. – Ты всегда писал хорошие, ясные рапорты. – Он произнес это тоном школьного учителя, похвалившего ученика за удачный ответ.

– В чем заключается работа?

– Наконец-то ты решил проявить здравомыслие, – сказал он одобрительно. Он извлек на свет лист бумага и сверился с ним. – Нам известно, что ты имеешь обыкновение проводить свой ежегодный отпуск в Исландии. – Он поднял на меня глаза. – Я полагаю, это сказывается твое северное происхождение. Ты не можешь чувствовать себя спокойно в Швеции, а вернуться в Финляндию было бы еще более рискованно. Слишком близко к русской границе для того, чтобы ощущать себя комфортно. – Он распростер руки. – Но кто тебя найдет в Исландии?

– Так, значит, работа связана с Исландией?

– Совершенно верно. – Он постучал ногтем по листу бумаги. – Ты проводишь там весь свой долгий отпуск – по три-четыре месяца в году. Вот что значит иметь свой собственный доход – Департамент сделал для тебя очень много.

– Департамент не дал мне ничего, что уже не было бы моим, – сказал я резко.

Он проигнорировал мою реплику.

– Я заметил, что ты совсем неплохо обустроился в Исландии. Все прелести домашнего комфорта в уютном любовном гнездышке. Юная леди, которая, как я полагаю...

– Давай оставим ее в покое.

– Именно это, мой мальчик, я и хотел сказать. Было бы крайне неразумно вовлекать ее в нашу операцию. Это может оказаться для нее весьма опасно, надеюсь, ты понимаешь? Я не стал бы ей ничего рассказывать. – Его голос был мягким и вкрадчивым.

Слейд хорошо потрудился над своей домашней работой. Если он знает о существовании Элин, это значит, он следил за мной довольно давно. Все то время, что я, как мне казалось, был надежно укрыт, я на самом деле находился под колпаком.

– Перейдем к делу.

– Ты получишь сверток в Кьеллавикском международном аэропорту. – Он очертил его размеры пальцем в воздухе. – Примерно восемь на четыре и на два дюйма. Ты доставишь его человеку в Акурейри – ты знаешь, где это находится?

– Знаю, – ответил я и стал ждать, когда он продолжит, но продолжения не последовало. – И это все? – спросил я.

– Это все. Я уверен, ты справишься с заданием достаточно легко.

Я посмотрел на него с недоверием.

– И ты затеял весь этот грязный шантаж только для того, чтобы поручить мне работу посыльного?

– Мне хотелось бы, чтобы ты не использовал такой грубый язык, – сказал он брюзгливо. – Эта работа как раз подходит для человека, у которого долгое время отсутствовала практика, такого как ты, например. Она достаточно важная, и ты оказался под рукой, поэтому мы решили использовать тебя.

– Это та операция, которая быстро увеличивает свои масштабы, не так ли? – предположил я. – Поэтому ты вынужден использовать меня.

Слейд махнул рукой.

– Мы просто испытываем некоторый недостаток в людских ресурсах, вот и все. Не надо поддаваться мании величия – используя тебя, я соскребаю с самого дна.

Слейд мог быть достаточно грубым, если это соответствовало его цели. Я пожал плечами и спросил:

– Кто тот человек, с которым я должен встретиться в Акурейри?

– Он сам даст о себе знать. – Слейд извлек из кармана продолговатый листок бумаги и витиевато разорвал его поперек. Одну часть он передал мне, и я увидел, что это половина стокроновой банкноты. – У него будет другая половина. Старые методы самые лучшие, тебе не кажется? Они просты и эффективны.

Я посмотрел на обрывок исландской валюты в своей руке и спросил с иронией:

– На то, что мне заплатят за это рискованное предприятие, я, разумеется, могу не рассчитывать?

– Конечно же тебе заплатят, мой мальчик. Правительство Ее Величества не скупится на затраты, когда требуется заплатить за ценные услуги. Двести фунтов тебя устроят?

– Спусти их в унитаз, ублюдок.

Он с неодобрением покачал головой.

– Какой язык, Боже мой, – но я сделаю, как ты сказал. Можешь на это положиться.

Я посмотрел на Слейда, и он ответил мне взглядом своих невинных, как у младенца, глаз. Мне не нравилось то, как пахла вся эта операция – в ней было что-то фальшивое. Мне пришло в голову, что, возможно, они решили провести учебные маневры со мною в качестве подопытного кролика. Департамент часто устраивал игры подобного рода, чтобы обучать новичков, но обычно все стороны предварительно знакомили с правилами. Я решил, что если Слейд втянул меня в тренировочный проект, ничего мне при этом не сообщив, то я удавлю этого ублюдка.

Чтобы проверить его, я сказала:

– Слейд, если ты собираешься использовать меня как футбольный мяч в тренировочной игре, то это может оказаться опасным. Таким путем ты способен лишиться нескольких своих начинающих шпионов.

Он, казалось, был шокирован.

– Ох, я никогда бы с тобой так не поступил.

– Хорошо, что мне делать, если кто-нибудь попытается забрать сверток?

– Останови его, – ответил он коротко.

– Любой ценой?

Он улыбнулся.

– Ты хочешь сказать – можешь ли ты убивать? Делай все, что хочешь. Только доставь груз в Акурейри. – Его брюшко затряслось от веселья. – Убийца Стюарт! – произнес он посмеиваясь. – Надо же!

Я кивнул.

– Просто я должен узнать все точно. Мне не хотелось бы усугублять твою проблему с людскими ресурсами. После Акурейри – что мне делать потом?

– Потом ты можешь развлекаться, как тебе угодно. Используй свой отпуск. Наслаждайся обществом своей подруги. Чувствуй себя свободным, как воздух.

– До тех пор, пока ты снова не появишься на горизонте.

– Такое маловероятно, – сказал Слейд решительно. – Мир сильно изменился за время твоего отшельничества. Дела в Департаменте ведутся не так, как раньше, – появилась новая техника – многие изменения ты не сможешь понять. Ты будешь бесполезен в любой настоящей работе, Стюарт; но это задание достаточно простое, и здесь ты просто посыльный. – Он обвел комнату несколько пренебрежительным взглядом. – Нет, ты сможешь вернуться сюда и мирно доживать свой век в сельской глуши.

– А Кенникен?

– Тут я не способен дать тебе никаких обещаний. Возможно, он найдет тебя, а возможно – и нет; но если это и произойдет, то без моей помощи, уверяю тебя.

– Этого недостаточно, – сказал я. – Ты сообщишь ему, что я уже четыре года не являюсь членом Департамента?

– Я могу, – произнес он поспешно. – Я могу. – Он поднялся на ноги и застегнул свое пальто. – Другое дело, поверит ли он в это и, тем более, обратит ли вообще внимание на полученную информацию. Он желает тебя найти по своим собственным абсолютно непрофессиональным причинам, и я склонен думать, что ему скорее всего хочется поработать над тобой с острым ножом, а не предложить распить с ним бутылку кальвадоса.

Он взял в руки свою шляпу и подошел к двери.

– Ты получишь дальнейшие инструкции насчет свертка перед отъездом на место. Было очень приятно увидеться с вами снова, мистер Стюарт.

– К сожалению, не могу сказать то же самое про себя, – произнес я в ответ, и он весело рассмеялся.

Я проводил его до машины и показал на скалу, из-за которой вел наблюдение, когда он прогуливался перед хижинкой.

– Оттуда я смотрел на тебя через перекрестье прицела. Я даже нажал на курок. К несчастью, винтовка была не заряжена.

Он ответил мне голосом, полным доверия.

– Если бы она была заряжена, то ты не нажал бы на курок. Ты цивилизованный человек, Стюарт, слишком цивилизованный. Порой я удивляюсь, как тебе удалось так долго продержаться в Департаменте – ты всегда был немного мягкотелым для настоящей работы. Если бы решение зависело от меня, то тебя бы уволили задолго до того, как ты... э... подал в отставку.

Я посмотрел в его холодные бесцветные глаза и понял, что если бы решение зависело от него, то мне не удалось бы уйти в отставку. Он сказал:

– Я надеюсь, ты помнишь положения Официального Секретного Акта. – Затем он улыбнулся. – Ну, разумеется, помнишь.

Я спросил:

– Где теперь твое место на служебной лестнице, Слейд?

– Говоря по правде, достаточно близко к вершине, – ответил он с готовностью. – Сразу следом за Таггартом. Теперь я могу принимать решения. Время от времени я обедаю с премьер-министром. – Издав самодовольный смешок, он сел в машину. Он опустил стекло в двери и сказала: – Еще одна вещь. Этот свертки – не открывай его, мой мальчик. Помни, что любопытство сделало с котом.

Стронувшись с места, машина запрыгала по разбитой колее, и когда она скрылась из виду, глен стал выглядеть чище. Подняв голову, я посмотрел на Сгурр Мор и возвышающийся за ним Сгурр Дирг и почувствовал глубокую депрессию. Менее чем за двадцать минут мой мир был разбит на части, и неизвестно, удастся ли мне теперь собрать осколки.

Проснувшись после беспокойной ночи на следующее утро, я знал, что мне остается только одно: повиноваться Слейду, выполнять его приказы, доставить этот проклятый груз в Акурейри, после чего, уповав на Бога, надеяться на то, что мне удастся выйти из игры без последующих осложнений.

3

Во рту у меня пересохло от долгого рассказа и табачного дыма. Я выбросил в окно сигаретный окурочок, и, упав на камни он начал посылать одинокий дымовой сигнал на Северный полюс.

– Вот так, – сказал я. – Меня силой втянули в это дело.

Элин пошевелилась на своем сиденье.

– Я рада, что ты мне рассказал о своих проблемах. Я все удивлялась, почему ты так внезапно улетел в Акурейри. – Она нагнулась вперед и потянулась. – Но теперь ты доставил этот таинственный груз и тебе больше не о чем волноваться.

– Дело в том, – сказал я, – что мне не удалось его доставить. – Я рассказал ей про четырех мужчин в аэропорту Акурейри, и она побледнела. – Слейд прилетел сюда из Лондона. Он сильно встревожен.

– Он здесь – в Исландии?

Я кивнул.

– Он сказал, что теперь я все равно вышел из игры, но это не так. Элин, я хочу, чтобы ты держалась от меня подальше, ты тоже можешь пострадать.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Мне кажется, ты рассказал мне не все.

– Не все, – согласился я. – Я и не собираюсь всего рассказывать. Будет лучше, если ты не станешь влезать в это болото.

– Я думаю, тебе следует закончить свою историю, – сказала она.

Я прикусил губу.

– У тебя есть место, где ты могла бы скрыться – от посторонних глаз, я имею в виду?

Она пожала плечами.

– Наша квартира в Рейкьявике.

– Она не подойдет, – возразил я. – Слейд знает о ее существовании, и его человек держал нашу квартиру под наблюдением.

– Я могу навестить своего отца, – предложила она.

– Да, можешь. – Я видел Рагнара Тхорссона только один раз; это был крепкий старый фермер, который жил в дебрях Страндазислы. Элин будет там в относительной безопасности. Я спросил: – Если я расскажу тебе всю историю до конца, ты поедешь к нему и останешься так до тех пор, пока я за тобой не пришлю?

– Я не могу дать никаких гарантий, – сказала она упрямо.

– Боже! – воскликнул я. – Если я сумею выбраться из этой передраги, то мне достанется своенравная жена. Не знаю, смогу ли я это выдержать.

Она резко подняла голову.

– Что ты сказал?

– Окольным путем я попросил тебя выйти за меня замуж.

Внезапно все смешалось, и прошло несколько минут, прежде чем нам удалось освободиться от взаимных объятий. Элин, с розовым лицом и взъерошенными волосами, улыбнулась лукаво и сказала:

– Теперь рассказывай!

Я вздохнул и открыл дверцу машины.

– Я не только расскажу, но и покажу тебе кое-что.

Я прошел к задней части "лендровера" и достал плоскую металлическую коробку из-под бампера машины, куда она была прикреплена изолентой. Я поднес ее Элин на ладони вытянутой руки.

- Вот из-за чего вся эта суматоха, – сказал я. – Ты сама привезла ее из Рейкьявика. Она осторожно постучала указательным пальцем по металлической поверхности.
- Так, значит, те люди ее не получили.
- Они получили металлическую коробку, в которой первоначально содержалась настоящая шотландская карамель, купленная мною в Обане, – полную ваты и песка и зашитую в оригинальную мешковину.

4

– Хочешь пива? – спросила Элин.

Я поморщился. Исландцы варят отвратительное пиво, безвкусный напиток, в котором алкоголя столько же, сколько сахара в сахаре. Элин рассмеялась.

– С пивом все в порядке; Бьярни привез ящик "карлсберга" из своего последнего рейса в Гренландию.

Это меняло дело, датчане понимают толк в пиве. Элин открыла банку и разлила пиво по стаканам.

– Я хочу, чтобы ты поехала к своему отцу, – сказал я.

– Я подумаю об этом. – Она протянула мне стакан. – Мне хотелось бы знать, почему ты оставил сверток у себя.

– Задание было фальшивым. От всей этой операции вонь поднималась до самых небес. Слейд утверждал, что за Грахамом следит оппозиция, поэтому в последний момент он ввел в дело меня. Но Грахама никто не атаковал – атакован был я. – Я не стал рассказывать Элин про Линдхольма; я не был уверен, хватит ли у нее душевных сил, чтобы выдержать такой груз. – Ты не находишь это странным?

Она призадумалась.

– Да, нахожу.

– И Грахам вел наблюдение за нашей квартирой, а это весьма необычное поведение для человека, который знает, что за ним может следить противник. Да и вообще я не верю, что за Грахамом следили; я думаю, Слейд плел сплошную ложь.

Элин, казалось, целиком погрузилась в созерцание пузырьков, поблескивающих на стенках ее стакана.

– Ты говорил о противнике – кто он, противник?

– Я думаю, это мои старые приятели из КГБ, – сказал я. – Русская разведка. Я могу и ошибаться, но такое маловероятно.

По застывшему выражению лица Элин я понял, что ей не нравится то, как это звучит, поэтому вернулся к Слейду с Грахамом.

– Еще один момент – Грахам видел, как меня зажали в аэропорту Акурейри, но не пошевелил и пальцем для того, чтобы мне помочь. Он мог, по крайней мере, проследить за человеком, который унес футляр от фотокамеры, но он не предпринял ничего. Какой бы ты из этого сделала вывод?

– Я не знаю, что и подумать, – призналась она.

– Так же, как и я. Вот почему вся операция пахнет гнилью. Что касается Слейда – он был настолько возмущен тем, что я провалил задание, что вылетел из Лондона сразу после того, как узнал об этом от Грахама. И что он делает по приезду? Только треплет меня за ухо и говорит, что я дурной ребенок. Такое поведение слишком нетипично для Слейда.

Элин сказала:

– Ты не веришь Слейду. – Это было утверждение.

Я вытянул руку в сторону острова Гримсей.

– Я верю Слейду точно так же, как в то, что смогу бросить этот остров. Он затеял какую-то сложную игру, и я хочу узнать, какова в ней моя роль до того, как упадет нож гильотины, поскольку эта игра, возможно, ведется именно затем, чтобы нож упал на мою шею.

– А что со свертком?

– Это наш козырь. – Я приподнял металлическую коробку. – Слейд думает, что она у оппозиции, но до тех пор, пока это не так, большой беды не произошло. Оппозиция тоже считает, что сверток находится у них, поскольку, как я полагаю, они его еще не вскрыли.

– Можно ли на это надеяться?

– Я думаю можно. Агенты обладают не слишком большими полномочиями. Скорее всего, тот квартет, который отобрал у меня сверток, имел приказ доставить его своему боссу закрытым.

Элин посмотрела на коробку.

– Интересно, что там внутри?

Я тоже посмотрел на нее, но ровная металлическая поверхность ни о чем мне не говорила.

– Может быть, стоит ее вскрыть консервным ножом, – сказал я. – Но не сейчас. Пока нам лучше не знать о ее содержимом.

Элин издала вздох разочарования.

– Почему вы, мужчины, так любите все усложнять? Так что ты намерен делать?

– Я собираюсь залечь на дно, – солгал я, – и как следует все обдумать. Может быть, я пошлю эту проклятую коробку в Акурейри "до востребования" и по телеграфу сообщу Слейду, где ее забрать.

Я надеялся на то, что Элин мне поверила, поскольку на самом деле мои планы были несколько отличными и бесконечно более опасными. Очень скоро кто-то обнаружит, что ему подсунули фальшивку и начнет громко кричать. Я хотел находиться где-то поблизости, чтобы узнать, кто же это кричит. Но нельзя допустить, чтобы Элин тоже была рядом, когда такое произойдет.

– Залечь на дно, – повторила Элин задумчиво. Она повернулась ко мне. – Как насчет того, чтобы переночевать в Асбьюрги?

– Асбьюрги! – Рассмеявшись, я осушил свой стакан. – Почему бы и нет?

5

В те далекие, скрытые от нас во мраке времена, когда боги были молодыми, как-то раз Один⁴ объезжал арктические просторы, и его верный конь Слейпнир, споткнувшись, опустил копыто на Северную Исландию. То место, где копыто ударилось о землю, теперь известно как Асбьюрги. Так гласит легенда, но мои друзья геологи имеют на этот счет свое мнение.

Асбьюрги представляет из себя имеющую форму копыта геологическую структуру около двух миль в поперечнике. В ее пределах деревья, защищенные здесь от пронзительного ветра, имели благоприятные условия для роста и некоторые из них достигали в высоту двадцати футов, что необычно для Исландии. Этот покрытый зеленью участок плодородной земли приютился между окружающих его со всех сторон отвесных каменных стен. В Асбьюрги не было ничего примечательного, кроме связанной с этим местом легенды и непривычного вида зеленющих деревьев, но туристы бывали здесь часто, хотя и не останавливались здесь на ночь. И что наиболее важно, это место находилось в стороне от больших дорог.

Мы протиснулись в Асбьюрги через узкий проход по колее, накатанной колесами заезжающих сюда машин, и вскоре оказались на поляне, окруженной густыми зарослями деревьев, где и разбили свой лагерь. Когда это позволяли погодные условия, мы во время наших поездок имели обыкновение спать на земле, поэтому я установил тент, прикрепив его с одной стороны к "лендроверу", после чего достал из машины надувные матрасы и спальные мешки, в то время как Элин занялась приготовлением ужина.

Возможно, мы обустроивали свою лагерную жизнь с некоторыми элементами сибаритской роскоши, поскольку оба не любили испытывать неудобства. Я установил раскладные кресла и стол, на который Элин поставила бутылку "скотча" вместе с парой стаканов, после чего присоединилась ко мне, перед тем как зажарить бифштекс. Говядина в Исландии тоже являлась предметом роскоши, но я в ней себе не отказывал, чтобы не возненавидеть навсегда баранину.

Кругом царили тишина и спокойствие, и мы сидели, наслаждаясь вечером, смакуя терпкое виски, ведя бессвязную беседу о вещах, бесконечно далеких от того, что занимало наши умы. Я думаю, мы оба нуждались в отдыхе от гнетущей нас проблемы, связанной со Слейдом и его проклятым свертком, и процесс установки нашего лагеря был возвращением к тем счастливым дням, наступления которых мы так нетерпеливо ждали.

Элин отошла, чтобы приготовить ужин, и я налил себе еще выпить и задумался над тем, как мне от нее избавиться. Если она не согласится покинуть меня добровольно, тогда, возможно, лучшим способом будет улизнуть из лагеря на рассвете, оставив ей пару банок консервов и флягу с водой. С этими запасами и спальным мешком она вполне сможет продержаться день-два, пока кто-нибудь не приедет в Асбьюрги и не вернет ее обратно к цивилизации. Она, конечно же, будет неистовствовать, как настоящая фурия, но зато останется жива.

Потому что залечь на дно было недостаточно. Я должен стать легко доступным – сделать из себя некое подобие жестяной утки в тире, так чтобы этот кто-то захотел нанести по мне удар. Когда начнутся боевые действия, Элин лучше находиться от меня подальше.

Элин принесла тарелки, и мы принялись за еду. Через некоторое время она спросила:

– Алан, почему ты покинул ... Департамент?

Моя вилка повисла в воздухе.

– У меня были расхождения во взглядах, – ответил я коротко.

– Со Слейдом?

Я медленно положил вилку.

⁴ Один – в скандинавской мифологии верховное божество.

– Да – со Слейдом. Я не хочу про это говорить, Элин. Она ненадолго задумалась, а потом сказала:

– Может быть, будет лучше, если ты все расскажешь. Тебе, наверное, нелегко держать свои мысли на замке.

Я беззвучно рассмеялся.

– Как забавно! Говорить такое агенту Департамента! Ты когда-нибудь слышала об Официальном Секретном Акте?

– Что это?

– Если Департаменту станет известно, что я разглашаю сведения о своей службе, то остаток своих дней мне придется провести в тюрьме.

– Какая ерунда! – воскликнула она пренебрежительно. – Ко мне это не относится.

– Попробуй объяснить это сэру Давиду Таггарту, – предложил я. – Я и так уже рассказал тебе более чем достаточно.

– Тогда почему бы тебе не рассказать все до конца? Ты ведь знаешь, я не буду болтать.

Я посмотрел вниз на свою тарелку.

– По своей собственной воле. Я не хочу, чтобы у кого-нибудь появилось желание сделать тебе больно, Элин.

– Кто может сделать мне больно? – спросила она.

– Например, Слейд. Еще есть один тип, которого зовут Кенникен, и существует вероятность, что он тоже находится где-то поблизости, но я надеюсь, что это не так.

Элин произнесла медленно:

– Если я когда-нибудь выйду замуж, то моим мужем будет человек, у которого нет секретов. Это нехорошо, Алан.

– Так, выходит, ты думаешь, что поделиться с кем-то своей проблемой – значит уменьшить ее наполовину. Вряд ли Департамент с тобой в этом согласится. Власти отнюдь не считают исповедь наилучшим средством для улучшения душевного самочувствия, и они с подозрением относятся к католическим священникам и психоаналитикам. Но коли ты настаиваешь, я расскажу кое-что – то, что не будет для тебя слишком опасным.

Я отрезал от своего бифштекса очередной кусок.

– Эта операция проводилась в Швеции. Я был членом группы контршпионажа, которая пыталась проникнуть в аппарат КГБ в Скандинавии. Операцией руководил Слейд. Я должен сказать про Слейда одну вещь: он очень умен – обладает хитростью и коварством и обожает изобретать всяческие уловки, способные привести к победе.

Я обнаружил, что потерял аппетит, и отодвинул тарелку в сторону.

– Боссом оппозиции был человек по имени В.В. Кенникен, и я подобрался к нему достаточно близко. Он считал, что я швед финского происхождения, которого зовут Стюартсен, парень с одурманенными мозгами, желающий, чтобы его использовали. Ты знаешь, что я родился в Финляндии?

Элин покачала головой.

– Ты мне не рассказывал.

Я пожал плечами.

– Наверное, я пытался забыть об этой части своей жизни. Как бы то ни было, проделав большую работу и изрядно натерпевшись страха, я оказался внутри аппарата и был принят Кенникеном. Не то чтобы он мне доверял, он просто использовал меня на второстепенной работе, и я собрал большое количество информации, которую должным образом передал Слейду. Но не это являлось моей главной целью. Я уже находился близко к Кенникену, но все еще не достаточно близко.

Элин сказала:

– Ужасная история. Меня не удивляет, что ты был испуган.

– Большую часть времени я испытывал смертельный страх, что обычно для двойного агента. – Я сделал паузу, пытаюсь найти простой путь для того, чтобы объяснить сложную ситуацию. Я произнес осторожно: – Настало время, когда мне пришлось убить человека. Слейд предостерег меня, передав, что мое прикрытие под угрозой провала. Он сообщил, что человек, способный меня разоблачить, еще не успел доложить об этом Кенникену, и поэтому необходимо его ликвидировать. Что я и сделал при помощи бомбы. – Я сглотнул. – Я даже никогда не видел человека, которого убил, – я просто подложил бомбу в его машину.

В глазах Элин стоял ужас. Я сказал хрипло:

– А что ты думала? Мы там не в ладушки играли.

– Но убить человека, которого ты не знаешь – которого даже никогда не видел!

– Так значительно легче, – сказал я. – Спроси любого пилота-бомбардировщика. Но дело не в этом. Дело в том, что я поверил Слейду, а человек, которого я убил, оказался британским агентом – человеком с моей стороны.

Элин смотрела на меня как на какое-то отвратительное насекомое, выползшее из-под камня. Я продолжил:

– Я связался со Слейдом и спросил его, что, черт возьми, происходит. Он сказал, что этот человек был внештатным агентом, которому не доверяла ни одна сторона – положиться на него стало просто невозможно. Слейд посоветовал мне рассказать Кенникену о том, что я сделал, и после этого мои акции резко пошли в гору. По-видимому, Кенникен знал, что из его организации происходит утечка информации, и существовало достаточно доказательств, указывающих на человека, которого я убил. Так я стал одним из его голубоглазых мальчиков – он полностью мне доверял, – и это было ошибкой, поскольку нам удалось полностью разрушить его агентурную сеть.

Элин перевела дыхание.

– И это все?

– Нет, черт возьми, это не все! – воскликнул я с отчаянием. Я протянул руку за бутылкой виски и обнаружил, что мои пальцы трясутся. – Когда все закончилось, я вернулся в Англию. Меня поздравили с хорошо проделанной работой. Скандинавская ветвь Департамента находилась в состоянии эйфории, и я оказался чуть ли не главным героем! Затем я узнал, что человек, которого я убил, вовсе не являлся внештатным агентом. Его имя – если это имеет значение – было Биркби, и он работал в Департаменте, так же как и я.

Я плеснул виски в стакан.

– Слейд переставлял нас, как шахматные фигуры. Ни Биркби, ни я не смогли проникнуть в организацию Кенникена так глубоко, как ему хотелось, поэтому он решил пожертвовать одной пешкой, чтобы продвинуть другую на более выгодную позицию. Но мне показалось, что Слейд играл не по правилам – это было так, как если бы шахматист смел с доски одну из собственных фигур, чтобы поставить мат противнику.

Элин спросила дрожащим голосом:

– Неужели в вашем грязном мире еще существуют какие-то правила?

– Совершенно верно, – сказал я. – В нем нет правил. Но мне казалось, что они существуют. – Я проглотил неразбавленный виски и почувствовал жжение в горле. – Я попытался поднять шум. Но никто, разумеется, не стал меня слушать – работа была выполнена успешно, и про нее уже успели забыть, так как теперь предстояло приступить к осуществлению еще более грандиозных планов. Слейд провернул операцию, и никто не хотел углубляться в то, как он это сделал. – Я невесело рассмеялся. – Он получил повышение, и копать в грязи теперь было бы бестактно – тень могла пасть на начальство, которое его продвинуло. Я стал помехой, от которой следовало избавиться.

– Так, значит, они от тебя избавились, – произнесла она без выражения.

– Если бы Слейд мог принимать решения, то от меня избавились бы другим путем – навсегда. Он сам сказал мне об этом не так давно. Но в те дни он занимал не слишком высокую должность в организации и не обладал достаточным весом. – Я посмотрел на дно стакана. – Ну а тогда все объяснили тем, что у меня произошел нервный срыв.

Я поднял глаза на Элин.

– Отчасти это была правда – я бы сказал пятьдесят на пятьдесят. Долгое время я находился в состоянии сильного нервного напряжения, и случай с Биркби оказался последней каплей. Кроме того, для таких, как я, у Департамента имелся госпиталь с ручными психиатрами. Прямо сейчас где-то там у них хранится мое досье, материалы которого привели бы в ужас старика Фрейда. Если я переступлю черту, то сразу же найдется психиатр, готовый доказать: я страдаю целым комплексом нервных заболеваний от энуреза до параноидальной мании величия. Кто усомнится в доказательствах, представленных выдающимся медицинским светилом?

Элин была разгневана.

– Но это неэтично! Ты так же безумен, как я!

– Здесь не существует правил – помнишь? – Я налил себе очередную порцию виски, на этот раз более спокойно. – В общем, мне позволили уйти в отставку. В любом случае, я стал бесполезен для Департамента, так как превратился в некую аномалию – хорошо известного секретного агента. Я уполз в Шотландский глен зализывать раны. Мне казалось, что я в безопасности, до тех пор пока не появился Слейд.

– И не начал шантажировать тебя Кенникеном. Он способен сообщить Кенникену, где ты находишься?

– В этом для него не будет ничего нового. И Кенникен имеет достаточно вескую причину для беспокойства. Дело в том, что теперь он ни на что не способен с девушками – и обвиняет в этом меня. Я жив только потому, что он не знает, где меня найти.

Я подумал о нашей последней встрече в сумраке шведского леса. Я знал, что не убью его, я понял это, как только нажал на курок. Снайперы обладают любопытным дополнительным чувством, которое заранее говорит им, попадут ли они в свою цель, и я знал, что пуля пошла слишком низко, и она только ранит его. Ранение оказалось весьма особенным, и мне не приходилось ожидать пощады от Кенникена, если он меня поймает.

Элин смотрела в сторону от меня, на освещенную уходящим за горизонт солнцем маленькую поляну, тишину и спокойствие которой нарушало только сонное чириканье птиц, подыскивающих себе пристанище на ночь. Она поежилась и обняла себя за плечи.

– Ты пришел из другого мира – мира, которого я не знаю.

– Это тот мир, от которого я пытаюсь тебя защитить.

– Биркби был женат?

– Не знаю, – ответил я. – Одна мысль приходит мне на ум. Если бы Слейд решил, что Биркби имеет лучшие шансы подобраться к Кенникену, тогда он, выдвинув ту же самую причину, приказал бы ему убить меня. Порой мне кажется, что так было бы лучше.

– Нет, Алан!

Элин подалась вперед и сжала мою руку.

– Никогда не думай так.

– Не беспокойся, у меня нет предрасположенности к самоубийству, – сказал я. – Ну вот, теперь ты знаешь, почему я не люблю Слейда и почему я ему не верю – и почему у меня вызывает подозрение вся эта необычная операция.

Элин внимательно посмотрела на меня, по-прежнему сжимая мою руку.

– Алан, кроме Биркби, ты убивал кого-нибудь еще?

– Да, убивал, – произнес я медленно.

Ее лицо напряглось, и рука, скользнув вниз, отпустила мою ладонь. Она медленно кивнула.

– Я должна о многом подумать, Алан. Я хочу немного прогуляться. – Она поднялась. – Одна, если ты не возражаешь.

Я проводил взглядом ее фигуру, удаляющуюся в сторону деревьев, и, взяв в руки бутылку, подумал о том, не выпить ли мне еще. Посмотрев на уровень жидкости, я обнаружил, что мои четыре безразмерные дозы почти наполовину опустошили бутылку. Я поставил ее на место – я никогда не верил в то, что смогу утопить свои проблемы в алкоголе, и сейчас было не время для того, чтобы попытаться это попробовать.

Я знал, что происходило с Элин. Для любой женщины было бы большим потрясением узнать, что мужчина, которого она пустила в свою постель, узаконенный убийца, неважно насколько оправданны были его действия. Я не испытывал иллюзий по поводу того, что мой случай является особенным – только не для Элин. Что мирная исландка могла знать о сумрачных глубинах неутраченной подпольной войны между целыми нациями?

Я собрал грязную посуду и начал ее мыть, думая о том, как она поступит. В мою пользу были только летние месяцы, которые мы проводили вместе, и я надеялся, что те счастливые дни и ночи перевесят в ее мысленном балансе. Я, надеялся, что то, что она узнала обо мне как о мужчине, о своем возлюбленном, и как о человеческом существе будет значить для нее больше, чем мое прошлое.

Я закончил уборку и закурил сигарету. День медленно угасал, и наступали долгие летние сумерки ночи северных широт. По-настоящему так и не стемнеет – очень скоро должен наступить день летнего солнцестояния, – и солнце скроется совсем ненадолго.

Я увидел, что Элин возвращается, ее белая рубашка замелькала среди деревьев. Приблизившись к "лендроверу", она посмотрела на небо.

– Уже поздно.

– Да.

Она остановилась, расстегнула спальные мешки, а затем застегнула их снова, соединив в один большой мешок. Когда она повернула ко мне голову, ее губы были изогнуты в полуулыбке.

– Иди в постель, Алан, – сказала она, и я понял, что ничего не потеряно, и все снова будет в порядке.

Позднее этой ночью мне в голову пришла одна идея. Я расстегнул свою сторону спального мешка и выкатился наружу, стараясь не беспокоить Элин. Она спросила сонным голосом:

– Что ты делаешь?

– Мне не нравится, что загадочная коробка Слейда осталась неубранной, я собираюсь ее спрятать.

– Куда?

– Куда-нибудь под раму автомобиля.

– Это не может подождать до утра?

Я натянул свой свитер.

– Я способен сделать это и сейчас. Я не хочу спать – мне слишком многое нужно обдумать.

Элин зевнула.

– Я могу тебе помочь – поддержать фонарик или еще что-нибудь?

– Спи спокойно. – Взяв металлическую коробку, рулон изоляции и карманный фонарик, я подошел к "лендроверу". Исходя из предположения, что коробка должна оставаться в легко доступном месте, я примотал ее к внутренней поверхности заднего бампера.

Я уже почти закончил свою работу, когда случайное движение моей руки за бампером заставило меня остановиться, так как мои пальцы наткнулись на что-то, резко подавшееся в сторону.

Я чуть не свернул себе шею, пытаясь увидеть, что это такое. Скосив глаза, в луче фонарика я увидел еще одну металлическую коробочку, но значительно меньших размеров и покра-

шенную зеленой краской, в тот же цвет, что и "лендровер", но это, несомненно, не было стандартным оборудованием, поставляемым компанией Ровер.

Я осторожно сжал ее пальцами и вытащил наружу. Одна сторона маленького куба была намагничена – так, чтобы он мог держаться на металлической поверхности, и, сжимая его в своей руке, я понял, что кто-то проявил большое хитроумие.

Это был радиоклоп типа "бамперный маяк", и в данный момент он посылал во все стороны равномерный сигнал, крича: "Я здесь! Я здесь!" И всякий человек с радиопеленгатором, настроенным на нужную частоту, мог в любой момент легко определить точное местонахождение "лендровера", просто повернув выключатель.

Выбравшись из-под машины, я встал на ноги, по-прежнему сжимая в руке мини-передатчик, и на какое-то мгновение меня охватило желание разбить его вдребезги. Как давно он находился под бампером "лендровера" я не знал – возможно, с самого Рейкьявика. И кто еще мог установить клопа, как не Слейд или его человек, Грахам. Не удовлетворившись своим предупреждением насчет того, чтобы я держал Элин в стороне от задания, он подстраховался тем, что теперь при помощи этого нехитрого прибора мог легко ее засечь. Или он хотел найти меня?

Я уже собрался бросить передатчик на землю и раздавить его каблуком, но в последний момент остановился. Поступить так будет не слишком умно – существовали другие, более эффективные пути использовать его. Слейд знал, что в моей машине установлен клоп, я знал, что в моей машине установлен клоп, но Слейд не знал, что я это знаю, и данный факт можно повернуть в свою пользу. Согнувшись, я залез под "лендровер" и вернул клопа на место. Он прилип к бамперу с легким щелчком.

И в этот момент что-то произошло. Я не понял, что именно, поскольку это было чем-то неразличимым – просто частичное изменение в характере ночной тишины, – и если бы обнаруженный клоп не обострил до предела мою восприимчивость, я, возможно, ничего бы и не заметил. Я затаил дыхание и напряженно прислушался, после чего услышал это снова – отдаленный металлический лязг переключаемой передачи. Больше до меня не донеслось ни звука, но этого было достаточно.

Глава третья

1

Я склонился над Элин и потряс ее за плечо.

– Поднимайся, – произнес я тихо.

– В чем дело? – спросила она, все еще будучи в полусне.

– Не шуми! Одевайся быстро.

– Но что?..

– Не спорь – просто одевайся.

Я повернулся и напряженно всмотрелся в смутные очертания деревьев, едва различимых в полумраке. Ничего не двигалось, ничего такого, что я мог бы услышать – ночная тишина оставалась ненарушенной. Узкий проход в Асбьюрги находился в миле от нас, и я подумал, что скорее всего автомобиль остановился там. Это было бы естественной мерой предосторожности – затычка в горлышке бутылки.

Скорее всего дальнейшее обследование Асбьюрги будет производиться пешком в направлении, заданном радиопеленгатором и с учетом расстояния, вычисленного при помощи измерителя силы сигнала. Поставить клопа на автомобиль – все равно что освещать его мощным прожектором.

Элин сказала тихо:

– Я готова.

Я повернулся к ней.

– У нас ожидаются визитеры, – произнес я низким голосом. – Через пятнадцать минут – может быть, меньше. Я хочу, чтобы ты спряталась. – Я вытянул руку. – Вон там будет лучше всего. Найди ближайшее укрытие среди деревьев и ляг на землю – и не вставай до тех пор, пока не услышишь, что я тебя зову.

– Но...

– Не спорь – просто делай, что я сказал, – произнес я резко.

Я никогда раньше не говорил с ней таким тоном, и она удивленно заморгала, глядя на меня, но затем быстро повернулась и побежала к деревьям.

Я нырнул под "лендровер" и начал шарить рукой по раме в поисках пистолета Линдхольма, который я примотал туда в Рейкьявике; но пистолет исчез, и все, что там осталось, это грязные обрывки изолянты в том месте, где он когда-то находился. Дороги в Исландии настолько плохие, что на них способно разболтаться любое крепление, и мне еще повезло, что я не потерял более важную вещь – металлическую коробку.

Значит, все, что я имел, это нож – сген дабх. Я поднялся на ноги, достал нож из-под спального мешка, где он лежал с вечера, и сунул его за пояс своих брюк. Затем я укрылся среди деревьев возле края поляны и приготовился ждать.

Прошло много времени, почти полчаса, до того как что-то наконец произошло. Он появился, как призрак, черный силуэт, медленно продвигающийся по автомобильной колее и не производящий ни единого звука. Было слишком темно, чтобы я мог разглядеть его лицо, но все же мне удалось увидеть, что он несет в руках. Очертания предмета и то, как он его держал, не оставили у меня никаких сомнений – то, как человек несет винтовку, отличается от того, как он держит палку. Это была не палка.

Когда он приблизился к краю поляны, я застыл в полной неподвижности. Он передвигался практически бесшумно, и если бы я не знал о его присутствии, то глаз легко мог миновать черный силуэт, замерший возле деревьев, не разобрав, что это такое – человек с оружием

в руках. Меня беспокоило его оружие – это была винтовка, а может быть, и дробовик, что являлось признаком профессионализма. Пистолеты слишком неаккуратны в серьезном деле убийства – спросите любого солдата – и способны дать осечку в самый неподходящий момент. Профессионалы предпочитают что-нибудь более смертоносное.

Если я собирался наброситься на него, то мне следовало сделать это со спины, и значит, он должен пройти мимо меня, но таким образом я открою себя его напарнику – если таковой имеется. Поэтому я решил сначала выяснить, есть ли у него напарник или он пришел сюда один. Я мельком подумал о том, знает ли этот человек, что произойдет, когда выстрелит из своего оружия в Асбьюрги; если нет, тогда его ждет большой сюрприз после того, как он нажмет на курок.

Произошло какое-то быстрое перемещение, после чего он внезапно исчез, и я беззвучно выругался. Затем хрустнула веточка, и я понял, что он находится среди деревьев с другой стороны поляны.

Да, это был профессионал – он действовал очень осторожно. Никогда не приближайся с той стороны, откуда тебя могут ожидать, даже если ты уверен, что тебя никто не ожидает. Соблюдай осторожность. Скрываясь среди деревьев, он огибал поляну, чтобы зайти с противоположной стороны.

Я тоже начал огибать поляну, но в другом направлении. Это был весьма рискованный маневр, поскольку, двигаясь навстречу друг другу, мы рано или поздно должны неминуемо столкнуться лицом к лицу. Я вытащил стен дабх из-за пояса и сжал его в руке – слабая защита против винтовки, но это все, чем я располагал. Каждый шаг я делал с максимальной осторожностью, предварительно убедившись в том, что под ногой не хрустнет ветка, и это было медленное и очень утомительное занятие.

Решив сделать паузу, я прислонился к тощей березе и начал напряженно всматриваться в полумрак. Ничто не двигалось, но вскоре я услышал слабый стук, так, словно один камешек ударился о другой. Затаив дыхание, я сохранял неподвижность, и тут увидел, как он приближается ко мне – темная медленно передвигающаяся тень в десяти ярдах от меня. Я плотно сжал рукоятку ножа и стал ждать, когда он приблизится вплотную.

Внезапно тишину нарушил треск кустов, и какая-то фигура в белом вскочила на ноги. Могло произойти только одно – он наткнулся прямо на Элин, которая затаилась в своем укрытии. Оторопев от неожиданности, он отскочил на несколько шагов назад, а затем поднял винтовку. Я крикнул:

– Ложись, Элин!

И в тот же момент он нажал на курок. Вспышка света прорезала ночной мрак.

Раздался такой грохот, будто началась война, словно отряд пехоты произвел несколько беспорядочный ружейный залп. Звук выстрела отскакивал от утесов Асбьюрги, отражался от каменных стен удаляющейся серией многократного эха и постепенно замер где-то вдали. Такие неожиданные последствия, вызванные простым нажатием на курок, на мгновение выбили его из колеи, и он замешкался с повторным выстрелом.

Я метнул нож, и тот с глухим звуком вошел в его тело. Он издал булькающий крик и, бросив винтовку, схватил себя за грудь. Затем его колени подогнулись и, упав на землю, он забился в судорогах, ломая кустарник.

Я проигнорировал его и побежал туда, где видел Элин, на ходу вытаскивая из кармана фонарик. Она сидела на земле, прижав руку к плечу, и ее глаза были широко открыты от пережитого шока.

– Ты в порядке?

Она опустила руку, и оказалось, что ее пальцы испачканы кровью.

– Он выстрелил в меня, – произнесла она слабым голосом.

Я опустился рядом с ней на колени и посмотрел на ее плечо. Пуля задела его лишь вскользь, разорвав волокна мышечной ткани. Позднее рана будет вызывать сильную боль, но сама по себе она не была серьезной.

– Нам лучше перевязать твое плечо, – сказал я.

– Он выстрелил в меня! – Ее голос окреп, и в нем появилось что-то похожее на удивление.

– Сомневаюсь, что он сможет выстрелить в кого-нибудь еще, – заметил я и перевел на него луч фонарика. Он лежал совершенно неподвижно, отвернув голову в сторону.

– Он мертв? – спросила Элин, остановив свой взгляд на рукоятке ножа, торчащего из его груди.

– Не знаю. Подержи фонарик. – Я взял его за запястье и почувствовал быстрое биение пульса, – Он жив, – сказал я. – Возможно, он даже выживет. – Я повернул ему голову так, чтобы увидеть лицо. Это был Грахам – что вызвало у меня некоторое удивление. Я мысленно извинился перед ним за то, что называл его молокососом; то, как он приближался к нашему лагерю, говорило о высоком профессионализме.

Элин сказала:

– В "лендровере" есть аптечка первой помощи.

– Достань ее, – попросил я, – а я поднесу его к машине.

Я поднялся и, взяв Грахама на руки, последовал за Элин. Она расстелила спальный мешок, на который я его положил. Затем она принесла аптечку и опустилась на колени.

– Нет, – возразил я. – Сначала ты. Сними свою рубашку. – Я промыл рану на плече, присыпал ее пенициллиновой пудрой и наложил повязку. – Следующую неделю тебе будет трудно поднять руку выше плеча, – сказал я. – Все остальное не так уж плохо.

Она, казалось, была загипнотизирована янтарно-желтым мерцанием камня, вправленного в рукоятку торчащего из груди Грахама ножа.

– Этот нож – ты всегда носишь его?

– Всегда, – ответил я. – Мы должны вынуть его из раны.

Нож поразил Грахама в центр груди, точно под солнечным сплетением, и вошел в тело с легким наклоном вверх. Лезвие погрузилось в тело на всю свою длину, и Бог знает, через что оно прошло.

Я разорвал на нем рубашку и сказал:

– Держи наготове марлевую салфетку, – а затем взялся за рукоятку и потянул. Зазубренный верхний край лезвия позволял воздуху свободно проникать в рану, что облегчало его извлечение, и нож беспрепятственно вышел из тела. Я ожидал увидеть поток артериальной крови, что означало бы немедленный конец Грахама, но кровь полилась равномерной струйкой и, стекая вниз по его животу, стала скапливаться в области пупка.

Элин положила на рану марлевую салфетку и осторожными движениями вытирала кровь, а я снова нащупал его пульс. Он оказался несколько слабее, чем раньше.

– Ты знаешь, кто он? – спросила Элин, выпрямившись.

– Да, – ответил я уверенно. – Он говорил, что его зовут Грахам. Он член Департамента – работает вместе со Слейдом. Я взял в руки сген дабх и принялся его вытирать. – В данный момент мне хотелось бы знать, прибыл он сюда один или где-то поблизости находятся его приятели. Мы представляем из себя отличную мишень.

Поднявшись на ноги, я вернулся к деревьям, где занялся поисками винтовки Грахама. Я нашел ее и принес обратно к "лендроверу"; это был автоматический карабин ремингтон с магазином на шесть патронов тридцатого калибра – хорошее оружие для убийства. Короткий ствол, не сковывающий быстрых движений, высокая скорострельность – пять прицельных выстрелов за пять секунд, – и пуля с весом и скоростью достаточными для того, чтобы поразить человека насмерть, не дав ему упасть на землю. Я передернул затвор и поймал выскочивший патрон. Он

имел обычную мягкую пулю охотничьего типа, рассчитанную на то, чтобы расплющиваться при попадании в цель. Элин сильно повезло.

Она тем временем, склонившись над Грахамом, вытирала ему лоб.

– Он приходит в себя.

Веки Грахама, несколько раз дернувшись, открылись, и он увидел меня, стоящего над ним с карабином в руках. Он попытался подняться, но был остановлен спазмом боли, от которой на его лбу выступили капельки пота.

– Ты не в том положении, чтобы что-то предпринять, – сказал я. – В твоём животе большая дырка.

Он опустился на землю и облилизал губы.

– Слейд сказал... – он перевел дыхание: – ... сказал, что ты не опасен.

– Неужели? Он ошибался, не так ли? – Я поднял карабин. – Если бы ты пришел сюда с пустыми руками, без этой штуки, то не лежал бы там, где сейчас лежишь. В чем заключалась идея этой акции?

– Слейду нужен сверток, – прошептал он.

– Правда? Но ведь он находится у оппозиции. У русских – я полагаю, они были русскими? Грахам слабо кивнул.

– Но они его не получили. Вот почему Слейд послал меня сюда. Он сказал, что ты ведешь двойную игру. Он сказал, что ты был неискренен.

Я нахмурился.

– Это становится интересным, – произнес я задумчиво и присел на корточки рядом с ним, положив карабин поперек коленей. – Скажи мне, Грахам, – кто сообщил Слейду о том, что русские не получили сверток? Я ему об этом не говорил, можешь быть уверен. Наверное, русские сами пожаловались ему, посетовав на то, что их обманули.

Его лицо приняло озадаченное выражение.

– Я не представляю, откуда он об этом узнал. Он просто сказал мне, чтобы я пошел и забрал его.

Я приподнял карабин.

– И дал тебе эту штуку. Полагаю, я должен был быть ликвидирован. – Я посмотрел на Элин, а затем снова на Грахама. – А как насчет Элин? Что было бы с ней?

Грахам закрыл глаза.

– Я не знал, что она здесь.

– Может быть, – сказал я. – Но Слейд знал об этом совершенно точно. А как еще "ленд-ровер" мог оказаться здесь? – Веки Грахама слабо дернулись. – Ты сам прекрасно понимаешь, что должен был бы устранить всякого свидетеля.

Струйка крови стекла из уголка его рта.

– Грязный ублюдок! – воскликнул я. – Если бы я был уверен в том, что ты до конца осознаешь свои собственные действия, то прикончил бы тебя прямо сейчас. Слейд сказал тебе, что я предатель, и ты поверил ему на слово – ты взял оружие, которое он тебе дал, и последовал его указаниям. Когда-нибудь слышал о человеке, которого звали Биркби?

Грахам открыл глаза.

– Нет.

– Это случилось еще до тебя, – сказал я. – Тогда Слейд разыграл такой же трюк. Но сейчас не время об этом говорить. Ты пришел один?

Грахам плотно сжал губы, и на его лице появилось упрямое выражение.

– Не строй из себя героя, – посоветовал я ему. – Я способен вытянуть это из тебя достаточно легко. Как тебе понравится, если я сейчас встану ногами на твой живот? – Я услышал, как Элин сделала судорожный вздох, но проигнорировал ее. – У тебя серьезное внутреннее ранение, и ты умрешь, если мы не доставим тебя в госпиталь. А я не стану этого делать, пока

существует вероятность, что кто-то может на нас напасть, когда мы покинем Асбьюрги. Я не собираюсь подвергать Элин риску ради твоего спасения.

Он посмотрел мне за спину, на Элин, а затем кивнул.

– Слейд, – сказал он. – Он здесь... примерно в миле...

– У входа в Асбьюрги?

– Да, – произнес он едва слышно и снова закрыл глаза.

Я пощупал его пульс и обнаружил, что он стал значительно слабее. Я повернулся к Элин.

– Начинай собираться, оставь место для Грахама, чтобы его можно было положить поверх спальных мешков. – Я встал и перезарядил карабин.

– Что ты собираешься делать?

– Может быть, я смогу подобраться к Слейду достаточно близко для того, чтобы поговорить с ним, – произнес я медленно. – Чтобы сказать ему, что его мальчик тяжело ранен. А если нет, тогда я поговорю с ним при помощи вот этого. – Я поднял карабин.

Она побледнела.

– Ты убьешь его?

– О Боже, я не знаю! – воскликнул я с раздражением. – Я знаю только то, что он, по-видимому, не возражал, если бы убили меня – и тебя тоже. Он сидит у входа в Асбьюрги, как пробка в горлышке бутылки, и это единственная открывалка, которую я имею.

Грахам тихонько застонал и открыл глаза. Я склонился над ним.

– Как ты себя чувствуешь?

– Плохо. – Струйка крови в уголке его рта выросла до целого ручейка, стекающего вниз по шее. – Это интересно, – прошептал он. – Откуда Слейд смог узнать?

Я спросил:

– Что в свертке?

– Не... знаю.

– Кто сейчас главный в Департаменте?

Его дыхание стало затрудненным.

– Та... Таггарт.

Если кто-то и может снять Слейда с моего загривка, то это Таггарт. Я сказал:

– Хорошо, пойду увижусь со Слейдом. Мы скоро вытащим тебя отсюда.

– Слейд сказал... – Грахам прервался и начал снова. Ему, по-видимому, было трудно глотать, и он слегка закашлялся, пуская губами ярко-красные пузыри. – Слейд сказал...

Кашель усилился, а затем поток артериальной крови вырвался из его рта, и он уронил голову набок. Взяв его за запястье, я понял, что Грахам никогда не скажет нам о том, что же говорил Слейд, поскольку он был мертв. Я закрыл его остекленевшие глаза и поднялся на ноги.

– Лучше мне самому поговорить со Слейдом.

– Он умер! – прошептала Элин, по-видимому, глубоко потрясенная.

Грахам был мертв – еще одну пешку смахнули с доски. Он умер потому, что слепо повиновался приказам; так же как делал я в Швеции; он умер потому, что не осознавал, как следует, своих поступков. Слейд сказал ему, что нужно сделать, он попытался, но совершил ошибку, которая привела его к смерти. Я тоже не осознавал до конца, что я делаю, поэтому мне лучше не совершать ошибок в своих попытках.

Элин плакала.

Крупные слезы лились у нее из глаз и стекали по щекам. Она не рыдала, а просто стояла и беззвучно плакала, глядя вниз на тело Грахама. Я сказал хрипло:

– Не плачь о нем – он собирался тебя убить. Ты сама это слышала.

Когда она заговорила, ее голос не дрожал, хотя слезы по-прежнему катились из глаз.

– Я плачу не о Грахаме, – произнесла она с отчаянием. – Я плачу о тебе. Кто-то должен это сделать.

2

Мы быстро свернули лагерь и загрузили все в «лендровер», все, включая тело Грахама.

– Мы не можем оставить его здесь, – сказал я. – Кто-нибудь обязательно наткнется на него – в течение ближайшей недели. Цитируя барда, мы оттащим потроха в соседскую комнату.

Слабая улыбка тронула лицо Элин, когда она уловила аллюзию.

– Куда?

– В Деттифосс, – предложил я. – Или в Селфосс.

Пройдя через пару водопадов, один из которых был самым протяженным в Европе, тело изувечится до полной неузнаваемости, и, если нам повезет, никто не сможет установить, что Грахам был зарезан. Его примут за одинокого туриста, с которым произошел несчастный случай. Так что мы положили тело Грахама в "лендровер". Я взял в руки ремингтон и сказал:

– Дай мне полчаса, после чего езжай следом за мной так быстро, как только сможешь.

– Я не смогу ехать быстро, соблюдая при этом тишину, – возразила она.

– Тишина пусть тебя не беспокоит – просто жми на полной скорости с включенными фарами по направлению к выходу. Затем немного притормози, чтобы я мог вскочить в машину.

– А что потом?

– Потом мы направимся к Деттифоссу, но не по шоссе. Мы поедем по грунтовой дороге, которая проходит по западному берегу реки.

– Что ты намерен сделать со Слейдом? Ты собираешься его убить, не так ли?

– Он может убить меня первым, – сказал я. – Не строй иллюзий насчет Слейда.

– Не надо больше убийств, Алан, – попросила она. – Пожалуйста, не надо больше убийств.

– Это зависит не от меня. Если он начнет стрелять, я выстрелю в ответ.

– Хорошо, – сказала она тихо.

Итак, я оставил Элин и направился в сторону входа в Асбьюрги, мягко ступая по наезженной машинами колее и надеясь на то, что Слейд не вышел навстречу Грахаму. Я не думал, что вероятность этого велика. Хотя он несомненно услышал выстрел, он его ожидал и теперь должен дать Грахаму полчаса на возвращение после поисков свертка. Я предполагал, что Слейд не будет ждать его появления еще в течение часа.

Я шел с хорошей скоростью, но замедлил шаг, когда приблизился к выходу. Слейд не побеспокоился о том, чтобы спрятать свою машину; он припарковал ее на виду, и она была хорошо различима, поскольку короткая северная ночь подходила к концу и небо сильно посветлело. Но он знал, что делает, так как к машине было невозможно подобраться, оставаясь при этом незамеченным, и я, устроившись за скалой, стал ждать Элин. Я не хотел пересекать это открытое пространство только для того, чтобы нарваться на пулю.

Вскоре я услышал, как она приближается. Элин с громким скрежетом переключала передачу, и я различил внутри припаркованной машины какой-то намек на движение.

Я прижался щекой к прикладу карабина и прицелился. Грахаму хватило профессионализма на то, чтобы нанести на мушку пятнышко люминесцентной краски, но в предрассветных сумерках в этом уже не было необходимости.

Я подвел прицел под место водителя, и когда шум за моей спиной достиг крещендо, послал в лобовое стекло три пули с интервалом менее секунды. Стекло оказалось безосколочным поскольку сразу же все стало матовым. Слейд, сделав широкий разворот, стронул машину с места, и, как я успел заметить, его спасло только то, что его автомобиль имел правосторонний руль английского типа, и пулевые отверстия были проделаны мной не в той части лобового стекла.

Но он не стал ждать, когда я исправлю ошибку, и удалялся по дороге с максимальной скоростью, на которую был способен. "Лендровер" появился у меня за спиной, и я на ходу запрыгнул в машину.

– Езжай вперед! – крикнул я. – Как можно быстрее.

Шедшая перед нами машина Слейда, пройдя юзом на всех четырех колесах и подняв облако пыли, обогнула поворот. Он направлялся к шоссе, но когда мы подъехали к развилке, Элин повернула в другую сторону, как я ее проинструктировал. Было бесполезно пытаться преследовать Слейда – "лендровер" для этого не предназначен, и преимущество в скорости находилось не на нашей стороне.

Мы поехали на юг по грунтовой дороге, идущей параллельно Иекулса а Фьеллум, большой реке, несущей на север талые воды ледника Ватнайекюдль, где многочисленные ухабы заставили нас снизить скорость. Элин спросила:

– Ты поговорил со Слейдом?

– Я не мог к нему приблизиться.

– Я рада, что ты его не убил.

– Вовсе не потому, что мне этого не хотелось, – заметил я. – Если бы у его машины руль находился с левой стороны, то сейчас бы он был покойником.

– И тогда бы ты почувствовал себя лучше? – спросила она резко.

Я посмотрел на нее.

– Элин, – сказал я. – Этот человек опасен. Либо он сошел с ума – что маловероятно, – либо...

– Либо что?

– Я не знаю, – произнес я мрачно. – Тут все слишком запутанно. Я знаю слишком мало. Но я знаю точно, что он хотел меня убить. Мне известно нечто такое – или он только так считает, – что является для него опасным; опасным настолько, что ему необходимо меня убить. При сложившихся обстоятельствах я не хочу, чтобы ты находилась рядом со мной – ты можешь оказаться на линии огня. Ты уже оказалась на линии огня этим утром.

Она притормозила перед глубокой рытвиной.

– Тебе не удастся выжить в одиночку, – сказала она. – Тебе необходима помощь.

Я нуждался не в помощи, мне были нужны Свежие мозги, чтобы разрешить эту запутанную проблему. Но сейчас у меня не было времени, поскольку плечо Элин начало причинять ей сильное беспокойство.

– Остановись, – сказал я. – Теперь я поведу машину.

Мы уже ехали на юг в течение полутора часов, когда Элин вдруг сказала:

– Вот и Деттифосс.

Я окинул взглядом каменистый ландшафт и увидел облако брызг, поднимающихся над глубокой расщелиной, которую Иекулса а Фьеллум прорезала в скалах.

– Мы проедем до Селфосса, – решил я. – Два водопада лучше, чем один. Кроме того, мы всегда разбивали лагерь возле Деттифосса.

Мы миновали Деттифосс, и через три километра я съехал с дороги.

– Отсюда нам будет легче всего добраться до Селфосса. Я выбрался из машины.

– Пойду пройдуся к реке и посмотрю, нет ли кого поблизости, – сказал я. – Было бы нехорошо оказаться застигнутым с мертвым телом на руках. Жди меня здесь и не разговаривай с незнакомыми людьми.

Я проверил, хорошо ли завернуто тело в одеяло, которым мы его укрыли, после чего направился к реке. По-прежнему было еще раннее утро, и вокруг не было ни души, поэтому я вернулся и, открыв заднюю дверь машины, залез внутрь.

Я сорвал одеяло с тела Грахама и обыскал его одежду. Его бумажник содержал немного ирландской валюты и пачку дойчмарок вместе с карточкой немецкого автомобильного клуба,

выданной на имя Дитера Бушнера, так же как и германский паспорт. Там еще была его фотография, где он стоял, обняв одной рукой миловидную девушку, на фоне магазина с вывеской на немецком языке. Департамент всегда продумывал такие мелочи.

Среди других вещей мое внимание привлекла только распечатанная пачка винтовочных патронов. Я отложил патроны в сторону, вытащил тело наружу и вернул бумажник в карман, после чего, взвалив его на плечи, направился в сторону реки. Элин шла за мною следом.

Подойдя к краю каньона, я опустил тело на землю, чтобы как следует оценить ситуацию. Русло в этом месте резко поворачивало, и река так подточила каменную стену, что образовался крутой утес, нависший над самой водой. Я перебросил тело через край, и, несколько раз безжизненно взмахнув руками, оно упало в серую бурлящую воду. Поддерживаемое на плаву попавшим в куртку воздухом, оно некоторое время кружилось в водовороте прямо под нами, пока не оказалось захваченным быстрым потоком в середине реки. Мы видели, как тело дотащило течением до Селфосса, где, перевалив через порог, оно скрылось с наших глаз, упав в ревущий котел водопада.

Элин посмотрела на меня с грустью во взгляде.

– И что теперь?

– Теперь я еду на юг, – ответил я и быстро зашагал к "лендроверу".

Когда Элин подошла к машине, я большим камнем выколачивал душу из радиоклопа.

– Почему на юг? – спросила она тихо.

– Я хочу добраться до Кьеблавика, а оттуда вылететь в Лондон. Там есть один человек, с которым я хочу поговорить, – сэр Давид Таггарт.

Я встряхнул головой и нанес мини-передатчику последний сокрушительный удар, который, несомненно, заставил его замолкнуть навсегда.

– Я буду держаться в стороне от больших дорог – они слишком опасны. Я поеду через Оадахрун и мимо вулкана Аскья – по пустынной местности. Но тебя со мной не будет.

– Посмотрим, – сказала она и подбросила на ладони ключи от машины.

3

Бог еще не закончил делать Исландию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.